

Инна Трoнина
Женщина по имени Солнце

История великой любви

Инна Трoнина

**Женщина по имени Солнце.
История великой любви**

«Издательские решения»

Трoнина И. С.

Женщина по имени Солнце. История великой любви /
И. С. Трoнина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831551-0

В книге рассказывается о судьбе молодой египтянки, доктора медицины Шамс аль-Шукри. Повинуясь воле отца, работавшего на западные спецслужбы, она отправилась в Ирак для выполнения особо важного задания. И на всю жизнь влюбилась в человека, против которого должна была работать...

ISBN 978-5-44-831551-0

© Трoнина И. С.
© Издательские решения

Содержание

Фрагмент стенограммы беседы доктора медицины госпожи Шамс аль-Шукри с благодарными читателями её интернет-мемуаров и с представителями масс-медиа	7
Отрывки из мемуаров доктора медицины Шамс аль-Шукри, названных ею «Ид аль-Адха» /День жертвоприношения/	16
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Женщина по имени Солнце

История великой любви

Инна Сергеевна Трoнина

© Инна Сергеевна Трoнина, 2016

ISBN 978-5-4483-1551-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

После свержения президента Египта Мубарака активная участница революции госпожа Шамс аль-Шукри встречается с читателями её сенсационных мемуаров, недавно выложенных в Интернете.

Накануне начала акций протеста, не зная, какая участь её ждёт, Шамс решила рассказать о том, что довелось пережить в прошлые годы. Повела она также и о своих личных счётах с функционерами старого режима.

Её отец, богатый нефтепромышленник, связанный с египетской разведкой и ЦРУ США, вынудил дочь, ранее получившую в Америке медицинское образование, отправиться по линии ООН в Ирак для работы врачом. На самом деле, этот статус был прикрытием шпионажа. Произошло всё в 1998 году. Самовластно распорядившись судьбой дочери, опозорившей семью разводом с мужем, отец сломал ей жизнь, обрёк на унижения, и страдания, которые молодой женщине пришлось испытать на чужбине.

Она вернулась девять лет спустя – вдовой, матерью троих детей, после ранений, контузии и комы. Страшнее всего были для неё воспоминания о второй иракской войне.

Но когда пришла «Арабская весна» 2011 года, Шамс встала в колонны манифестантов с той же решимостью, с какой восемь лет назад влилась в ряды иракского сопротивления. Поступить иначе ей не позволяли гнев и скорбь, любовь и память...

* * *

*Город! Лик его излучает ужас!
Его стены! К ним и бог не подступится!
За стеками – гул, кличи жаждущих битвы,
кличи военного становища!
Он – западня для стран враждебных, он
ловит их ловушкой и сетью!*

*/«Энлиль! Повсюду...»
Литература Шумера/*

* * *

*Не отступлюсь от милого, хоть бейте!
Хоть продержите целый день в болоте!
Хоть в Сирию меня плетью гоните,
Хоть в Нубию – дубьём,
Хоть пальмовыми розгами – пустыню
Иль тумаклами – к устью Нила.
На увещанья ваши не поддамся
Я не хочу противиться любви.*

*/«Сила любви».
Поэзия Древнего Египта/*

Фрагмент стенограммы беседы доктора медицины госпожи Шамс аль-Шукри с благодарными читателями её интернет-мемуаров и с представителями масс-медиа

12 февраля 2011 года, Каир, район Маади

– Ассалам алейкум! Здравствуйте! Боже, как вас много, мои дорогие друзья! Рада приветствовать вас в своём родовом доме, где отныне могу прямо и откровенно говорить с вами обо всём, о чём только пожелаю, не опасаясь за свою жизнь и жизнь моих родственников. Поздравляю всех моих соотечественников с новым праздником, который вчера пришёлся на пятницу и оттого навечно стал священным. Думаю, что многие иностранцы, присутствующие сейчас здесь, и те, кто следит за событиями в Египте по телевизору и по Интернету, разделяют мою радость. Я намеренно не называю эту встречу пресс-конференцией, потому что далеко не все почтившие мой дом своим присутствием являются журналистами.

Сегодня, когда узурпатор, бывший президент Мубарак наконец-то оставил свой пост, и Египет вздохнул свободно, получив шанс совершить рывок в будущее, вы всё-таки нашли время для того, чтобы навестить меня, друзья, и тем самым оказали всей семье аль-Шукри великую честь. Как из миллиардов капель воды сливается могучий Нил, так из людей, очень часто даже не знакомых друг с другом, в определённые моменты времени, возникает Народ, Народ с большой буквы, волей которого уже никто и никогда не посмеет пренебречь.

Я, со своей стороны, внесла скромную лепту в общее великое дело освобождения Египта от прогнившего, коррумпированного, опозорившего самого себя режима. Он мешал жить и дышать, убивая всякую надежду на лучшее будущее и ввергая людей в уныние. Каждый, кто был с нами на площади в эти дни, может считать, что прожил жизнь не напрасно. Я видела, как египтяне в едином порыве шли по улицам Каира, Александрии, Луксора, Порт-Саида, Асуана и других городов. Те, кто пострадал в стычках с полицией и провокаторами; кто просто сочувствовал нам и желал победы, вчера, услышав об отречении президента Мубарака, надеюсь, пережил момент незабываемого счастья.

На этом я завершаю вступительное слово и передаю инициативу в ваши руки, мои высокочтимые гости. Задавая вопросы, вы можете не представляться. Журналистам также позволительно, если они сами того не пожелают, не называть свои газеты, журналы, телекомпании, радиостанции. Мне безразлично, кто ко мне обратится, – мужчина или женщина, бедняк или богач, египтянин или иностранец. Я отвечу каждому, как смогу, и заранее выражаю свою признательность тем, кто проявит интерес ко мне и моим воспоминаниям.

Тысяча благодарностей даже тем, кто причинит мне душевную боль или попытается заставить меня устыдиться, потому что они в данный момент – тоже мои гости. Да и сама моя фамилия переводится как «благодарность», как «спасибо», и это не случайно. С рождения отец и мать прививали мне позитивный настрой, и я старалась любить людей, прощать им грехи. Но, каюсь, далеко не всегда мне это удавалось.

Итак, начинаем! Не будем более терять время. Я вижу в ваших глазах азарт и нетерпение. Я заранее позаботилась о том, чтобы более активные, профессиональные, привычные к подобным встречам журналисты не отняли возможность задать вопрос у простых людей, которые обычно в таких случаях чувствуют неловкость и сбиваются с мысли. Поэтому я предложила рассадить гостей вперемешку, и сейчас предлагаю им выступать по очереди.

Первым будет йа ша'б, молодой человек, сидящий в первом ряду у двери. Тот, кто находится по правую руку от него, станет вторым, если у него найдётся для меня пара слов. Когда

закончится первый ряд, то же самое повторится и на втором, и на третьем – до конца. С вашего позволения, прошу! Поверьте, я тоже невероятно волнуюсь...

– Доктор Шукри, прекрасная незнакомка, разрешите и мне как первому, выступающему, от лица всех собравшихся выразить признательность за возможность встретиться с вами. И за любезное согласие ответить на вопросы, которые возникли у читателей ваших Интернет-откровений, кем бы они ни были. То, что мы прочли в Сети, выглядит невероятно, а звучит увлекательно.

Скажите, однако, почему вы лично оказались в рядах ярых противников бывшего президента Мубарака? Насколько мне известно, ваш покойный отец был верным сторонником павшего режима. да вы и сами пишете, что он оказывал внешней разведке услуги весьма деликатного свойства. Ваша семья, богатая, уважаемая, имеет на египетской земле древние и длинные корни, уходящие во времена фараонов.

И при англичанах, и при монархии, и при Насере, и при его преемниках клану аль-Шукри не на что было жаловаться. Молодёжь, носящая эту фамилию, не нуждалась ни в каких социальных лифтах. Все дороги перед вами, вашими братьями и сестрами, были открыты. Лично вы с отличием закончили медицинский факультет Гарвардского университета. Ваш отец поставил дело так, чтобы его дети ни в чём не знали отказа. И притом слыл весьма либеральным, передовым человеком. Особняки, автомобили, наряды, драгоценности и прочие сокровища, принадлежавшие семье вашего отца, а также александрийским родственникам вашей матери, не раз становились предметом обсуждения на страницах глянцевого журнала.

Да, в своих мемуарах вы пишете о неудавшейся личной жизни. Но, согласитесь, это ведь не причина для бескомпромиссного разрыва с режимом, которому верой и правдой служил Юсуф аль-Шукри, мир праху его!

– Благодарю за вопрос, являющий доскональное знание истории нашей семьи. Судя по египетскому диалекту, вы когда-то были моим соотечественником, хотя представились службе безопасности как гражданин Франции. Да, вы всё сказали верно, но причиной моего неприятия существующих до недавнего времени порядков была вовсе не несчастная личная жизнь. Слишком примитивно и, прошу прощения, даже глупо выглядит такое объяснение.

Вы, мой добрый господин, и не только вы, находитесь в плену ложного и цепкого предвзвешивания. Он заключается в том, что потребности человеческого желудка затмевают все остальные потребности. И даже у животных это не так. Человеку же тем более свойственна духовная мотивация поступков. Мне просто надоело, понимаете? И я готова была погибнуть в этой битве, раз оставила мемуары. Мубарак занял президентское кресло, когда мне не было восьми лет. Я недавно пошла в школу. Ныне мне под сорок, у меня трое детей. Большая часть моей жизни прошла при власти человека, который вчера оставил Египет в жалком состоянии.

Неужели наша древняя благодатная земля достойна такой участи, а её граждане способны лишь обслуживать туристов и кланяться у них бакшиш? О, нет, теперь я знаю, каких высот может достигнуть освобождённый дух тысяч и миллионов людей. И горжусь, что являюсь его малой частью, капелькой святой крови, отданной за свободу. Как ежегодный разлив Нила предвещал обильную жатву, так и революция принесёт с собой животворящую энергию, без которой на земле Египта не прорастёт ни одно семя...

– Госпожа аль-Шукри, я хотел бы задать уточняющий вопрос, частично поднятый моим соседом по креслу. Несмотря на то, что я – не египтянин, а испанец, ваши мемуары заинтересовали меня невероятно. Судя по вашим же откровениям, покойный господин аль-Шукри, ваш отец, оказывал определённого вида деликатные услуги не только внешней разведке Египта, которая сама по себе является очень влиятельной структурой, но и американским спецслужбам. Более того, вы и сами не чурались этого, верно ведь?

В Интернете от вашего имени открытым текстом написано, что одно время вы лично по просьбе отца, который, в свою очередь, действовал от имени свергнутого теперь президента,

работали в Ираке. Простите, если я сказал что-то для вас неприятное, госпожа доктор, но вы, похоже, и не собирались это скрывать! Грубо говоря, вы были шпионкой?

– Можете называть это и так. Но я в то время не могла отказаться от предложения поработать в Багдаде. Я уступила уговорам отца, мир его праху. Иейчас он, разумеется, был бы очень расстроен. Да, наша семья благоденствовала при Мубараке, как и при Садате, при Насере и ранее. Но лично я проклинаю тот день и час, когда не по своей вине запуталась в этих сетях. В Египте на разведку, внешнюю и внутреннюю, работали многие. Главу тайной службы Мубарак незадолго до своего падения назначил вице-президентом.

Узурпатор делал всё, чтобы удержаться у власти. Он боялся своего народа. Везде шныряли агенты, Под контролем был Интернет. Мубарак посмел вмешаться даже в таинство общения людей с Богом. Все проповеди, произносимые в мечетях Египта, как известно, строго регламентировались, проверялись на предмет нежелательного влияния в среде правоверных. Не думаю, что община христиан-коптов выпала из поля зрения охранки.

Египтяне знают, сколько людей было убито без суда и следствия, замучено в застенках только потому, что их заподозрили в симпатиях к «Братьям-мусульманам». Бывший лётчик, когда-то уважаемый и неподкупный человек, узурпатор со временем превратился в противоположность самому себе. Он хотел передать власть своему сыну, по-монаршьи, и жена просила сделать это как можно скорее. Женское сердце чувствовало, что старец в конце концов не удержит государственное кормило. Наш народ терпел долго, как когда-то терпела я сама. Но ничто не может продолжаться вечно...

– Госпожа аль-Шукри, наконец-то, после двух мужчин, слово берёт женщина, причём по возрасту годящаяся вам в матери. В эти дни, с двадцать пятого января по одиннадцатое февраля, всё то время, что продолжалась, с позволения сказать, революция, вас видели не только на площади Тахрир, где вы произносили пламенные речи перед толпой оппозиционеров режиму. Не только во главе колонн, двигавшихся по городу и устраивающих стычки с полицией по любому поводу, но и в других городах страны – в Александрии, например, и в Луксоре. Вы выступали перед журналистами в отеле «Хилтон», умудрялись проповедовать даже среди туристов в Египетском музее и в Каирской опере, а также на смотровой площадке Каирской башни, не говоря уже о госпитале Зохорейя, куда вас неосмотрительно приняли на работу.

Вы напрямую призывали народ к восстанию против погрязшего в коррупции деспота. Но имели ли именно вы на это право? Судя по вашим откровениям, размещённым в Сети, вы любили и, похоже, любите по сей день куда более жестокого тирана и оправдываете его деяния. Как такое может быть?..

– Всё, что я хотела сказать о взаимоотношениях с отцом моих детей, я сказала. Добавить мне к этому нечего.

– Вероятно, вы считаете отца ваших детей безгрешным?!

– Безгрешен только Бог, мэ. Ведь вы американка?

– Да, и что с того?! Прощу вас ответить на вопрос.

– Судя по всему, вы тяготеете к так называемой «чайной партии» – консервативной части республиканцев? Тысяча извинений, мэ, если чем-то вас обидела! Как и любой другой гражданин своей страны, я имею право призывать к революции и участвовать в ней, если это нужно для спасения Египта. Кстати, в американской Конституции также декларируется право на восстание – в исключительных случаях. Я – врач, и потому знаю, что такое операция, в том числе экстренная. Кровь, боль страдания, но одновременно и величайшее благо, возможность выскользнуть из лап смерти.

Сейчас кризис прошёл, нарыв прорвался. И я, как всегда, когда сдёргиваю с рук хирургические перчатки, чувствую наряду с блаженным облегчением давящую усталость. Всё-таки прогноз, как говорят медики, благоприятен, хотя стране предстоит длительный период реабилитации. Я так вам отвечу, мэ. Если вы сомневаетесь в моем моральном праве призывать

народ к восстанию, усомнитесь же и в моём праве делать операции, лечить, принимать роды только потому, что я любила и люблю, как вы считаете, тирана...

– Дорогая Шамс, а можно поговорить с вами о чём-нибудь более приятном? Я гречанка, первый раз в Египте. По профессии – фотохудожница. А моя страсть – древность, археология. Но сейчас я не буду расспрашивать вас о сфинксах и пирамидах. Скажите, ваше имя действительно переводится с арабского как «солнце»?

– Да, в арабском языке это существительное женского рода. А луна, «камар», – мужского. Впрочем, уже много лет я, если и напоминаю Солнце, то только во время полного затмения. Я поклялась всю жизнь ходить в трауре и никогда не сниму его. Несмотря на сегодняшнюю великую радость, моя скорбь не ушла и не уйдёт никогда.

– Тогда ещё один вопрос, с вашего позволения. Выбор имени для вас был как-то связан с древнеегипетским культом бога Солнца Ра?

– О, нет, ни в коем случае! Для моих родителей не существовало никаких богов кроме Аллаха. Они назвали меня Шамс, а мою сестру Зейн потому, что очень любили нас и хотели, чтобы дочери были столь же прекрасны, как солнце и звёзды.

– Госпожа аль-Шукри, я много раз видел вас в эти дни на площади Тахрир, на улицах Каира в колоннах демонстрантов, на трибунах и в клинике, где вы оказывали помощь раненым. Представьте, что я, в отличие от других собравшихся, не читал ваших мемуаров ранее, и только теперь решил сделать это.

Я не падок на сенсации, да и в Египте в бурные революционные дни оказался случайно. Я – историк, живу в Ганновере, проводил отпуск на Красном море, так как являюсь страстным дайвером, обожаю погружаться близ коралловых рифов. Но когда начались эти грандиозные события, я всё бросил и примчался в Каир, потому что историк не может упустить возможность увидеть, как происходят судьбоносные перемены.

Мне не удалось присутствовать во время переворота в Тунисе, зато теперь я знаю, как выглядит «Арабская весна» в Египте. И в моих глазах у революции – ваше лицо, Шамс. Вы, моя современница, часто, казались мне то величественной богиней из древнего храма, то царицей Клеопатрой. Почему-то мне кажется, что именно так должна была выглядеть последняя правительница из рода Птолемеев, возлюбленная Гая Юлия Цезаря и Марка Антония. Именно этим голосом – глубоким контральто – она и должна была говорить. Даже сейчас мне чудится уреус на вашей голове. И я отчётливо слышу торжественный хор жрецов. Кажется, вы едва сошли с паланкина, принесённого усталыми загорелыми невольниками...

– О, спасибо вам за изысканные комплименты, я очень тронута! Правда, насколько мне известно, царица Клеопатра была вовсе не так прекрасна, как принято считать. А деяния её и вовсе, с моей точки зрения, должны вызывать отвращение. Впрочем, подавляющее большинство людей любит сладкие мифы, а не горькую правду. Но если вы специализировались не на истории Древнего Египта, вам позволительно заблуждаться. Мне было приятно слушать вас, добрый господин...

– Госпожа Шукри, я приехала в Каир из Москвы совершенно не для того, чтобы трястись от страха по ночам, понимая, что полиция разом куда-то исчезла, на улицы, как водится, хлынули мародёры. В городе начались повальные грабежи, а жители ночами дежурят у своих домов, вооружившись ножами, мотыгами, сковородками и ещё чёрт знает чем!

Я работаю в банке. В Каире живёт мой друг, который тоже целыми сутками пропадал, так сказать, на баррикадах, а я умирала в его доме от ужаса! Но речь сейчас не о том, это просто к слову. Революция далеко не всегда выглядит такой прекрасной, как вы говорите. И ещё неизвестно, что произойдёт в Египте потом, чем всё закончится. Многие считают, что вместо

светского режима Мубарака власть захватят дремучие исламисты, какая-нибудь местная «Аль-Каида»¹.

Но меня сейчас интересует другое. Ваши мемуары выложила в Сеть жительница Мельбурна, русская эмигрантка Лилия Минкина. Насколько я сумела понять, вы тесно связаны с Россией. Там жили ваши дети, работал ваш брат, часто бывали вы сами. Хотелось бы поподробнее узнать, почему именно эта женщина занималась публикацией ваших откровений в Сети, а перед тем перевела их на несколько языков, в том числе, кажется, даже на японский...

– Очень признательна вам за вопрос. Разрешите поприветствовать в вашем лице представительницу страны, давшей во время войны приют моим детям. Поверьте, в те безумные времена далеко не каждое государство решилось бы принять крошек. И они, вполне возможно, разделили бы так или иначе судьбу малышей, которых не удалось вывезти из пылающего Ирака. Они, чистые и невинные, ответили бы за своего отца, но этого не произошло. Теперь дети, слава Аллаху, живы и здоровы, правда живут уже не в России. Но на этом моя мистическая связь с вашей страной не оборвалась. В очередной раз, полтора года назад, навещая детей в Москве, я познакомилась с госпожой Минкиной – поистине удивительной женщиной, невероятно одарённой и самоотверженной. Лилия имеет два высших образования, вроде бы исключаящих друг друга, – математическое и филологическое. Японский язык знает её супруг, на которого тоже произвели впечатление мои мемуары.

Они действительно живут в Мельбурне, но издателей через Интернет искали по всему миру. С этой семьёй теперь я дружу и переписываюсь. Так получилось, что я оказала своевременную медицинскую помощь зятю Лилии и её беременной сестре. Таким образом, спасла сразу трёх её родственников. Я не стану вдаваться в детали, так как не согласовала вопрос с Лилией, но вряд ли она стала бы возражать против нынешних моих слов.

Тем летом мы тесно общались, одновременно оказавшись в Москве. Я гостила у своего брата Хамаля, сотрудника информационного бюро египетского посольства, а Лилия прилетела из Мельбурна, чтобы ухаживать за сестрой. Она не раз говорила, что считает меня второй матерью своей племянницы, которую назвали Гелиана. По-гречески это Солнце...

– Но ведь ей так и не удалось найти издателя для столь интересных мемуаров! Почему?

– Если вы внимательно читали текст, должны понять. Лилия и её супруг Альберт сделали всё для того, чтобы с книгой ознакомились люди, не знающие ни английского, ни арабского. Эти люди ни цента не взяли с меня за свой тяжёлый труд. Лилия мечтала найти издателя пусть в Австралии или Новой Зеландии. Но в итоге всё вышло куда лучше, чем если бы книга просто потерялась среди других на полках магазинов.

Извините, когда я вспоминаю о добрых делах, чувствую, как спазм сжимает горло. Люди, привыкшие, как я, к горю и оскорблениям, в беде не плачут. Но счастье может довести их в лучшем случае до истерики. Я ещё хочу добавить, по первой части вашего вопроса. Не нужно думать о египтянах плохо. Они как-нибудь разберутся, кому доверить власть, раз уж смогли очиститься от скверны. Слишком высокую цену заплатили мы за свободу! Нам не нужны здесь никакие экстремисты, и мы понимаем это не хуже дорогих гостей с севера...

– Доктор Шукри, вероятно, вы не захотите отвечать на этот вопрос, поскольку он, возможно, напрямую касается вашей частной жизни. Вас постоянно сопровождает элегантный мужчина средних лет, которого вы в мемуарах называете Абу-Валид. Он был с вами и в России, и в Ираке, и теперь он организовывал эту встречу.

Я прибыл из Оттавы специально для освещения арабских беспорядков. У меня имеются друзья, которые время от времени делятся со мной ценной информацией; все они арабы. Так вот, мои источники утверждают, что этот человек, настоящее имя которого Рахман-Али Хасави, – один из самых жестоких и безжалостных фанатиков, когда-либо воевавших в Ираке.

¹ Данная террористическая организация запрещена на территории Российской Федерации.

Только что вы сказали очаровательной русской мисс о том, что вам в Египте не нужны никакие экстремисты. Но ваши дела идут вразрез с вашими словами, Шамс. Раз вы не просто водите дружбу, а имеете явно более тесные отношения с аль-Хассави, бывшим баасистом, федаином и цепным псом иракского диктатора, то, похоже, действительно не отличаете добро от зла, а экстремистов от законопослушных граждан.

Я не хочу шокировать присутствующих здесь дам описаниями зверств вашего приятеля. Но, поверьте, отсечение головы – самая гуманная из расправ, практиковавшихся Абу-Валидом...

– У вас хорошие источники, мой добрый господин, но всё-таки главного вы, похоже, не знаете. Первое и основное: Абу-Валид никогда не был исламским экстремистом. Он учился в Москве, прекрасно знает русский. Не забыл этот язык ещё и потому, что привёз из Союза в Ирак жену, золотоволосую Катерину. Ему завидовали все парни и мужчины в округе – ведь в наших краях невозможно найти такое голубоглазое чудо. Он не настаивал, Катерина сама изъявила желание принять ислам и стала зваться Аминой.

Второе. У них было пятеро детей, три сына и две дочери. К моменту начала второй иракской войны младшей девочке не исполнилось и года. Старшего сына звали Валид, и по его имени мой страж теперь носит кунью. Это, если кто не знает, почётное добавление к имени родителя, состоящее из имени первенца. В Ираке меня чаще называли не Шамс, а Умм-Муин, мать Муина, по имени старшего сына.

Третье. Жена и четверо детей Абу-Валида погибли во время бомбёжек Багдада, и его родители тоже. Остался старший сын, но и он ненадолго пережил семью. Скончался от ранения в живот осенью две тысячи третьего года, в одном из глинобитных домиков на окраине столицы. Спустя ещё два месяца я чудом спасла жизнь самому Абу-Валиду, удачно перевязав сонную артерию при ранении в шею. Он был практически обречён после стычки с американскими морпехами и выжил милостью Аллаха.

Четвёртое, у Абу-Валида теперь нет семьи, нет дома, нет родины. Ему некуда идти. Он назвал меня своей сестрой после того, как выздоровел от страшной раны. И поклялся до самой смерти быть рядом со мной и моими детьми. Это мой брат, товарищ по оружию, верный страж, который любит моих детей, как родной отец. Мы – одна семья, спаянная огнём и кровью. Несмотря на то, что я – вдова, а он – вдовец, между нами нет никаких отношений, кроме дружеских и родственных.

Да, он был членом партии Возрождения, был федаином, да и сейчас не отрёкся от прежних убеждений. Он защищал свою землю, а не посягал на чужую, а это никогда не считалось преступлением и экстремизмом. Был ли он жестоким? Да, был, как бывали многие, кому приходилось воевать.

Вы, задавший мне этот вопрос, никогда не сможете понять чувства отца, который видел внутренности своего сына на земле и после бомбёжки отыскал в развалинах оторванную головку годовалой дочери. Если у вас есть дети, я желаю им счастья и долгой жизни. Ваш южный сосед, единственная сверхдержава, оставшаяся на планете, надеюсь, никогда не станет бомбить Оттаву...

– Умм-Муин, вы свободно пишете о том, как сражались в Ираке. Надеюсь, вы разрешите вас так называть. Я родилась в Пакистане, но уже давно проживаю в Лондоне. Скажите, если бы опять довелось делать выбор, примкнули бы вы к повстанцам или вернулись в Египет вместе с детьми? Вы не раскаиваетесь в том, что дети так долго жили без матери, пусть даже в доме родного дяди? Вам не кажется, что вы, лишили сыновей и дочку чего-то очень важного, уже невозвратимого? И что никакая идея не стоит таких жертв с вашей стороны? Вашему младшему ребёнку было всего четыре месяца, когда вы расстались. А встретились вновь, когда ему уже шёл пятый год...

– Спасибо за этот вопрос, действительно очень болезненной для меня. Но сначала я уточню, что сражались другие, а я лишь лечила и выхаживала их. Этому меня и учили в Гарварде. Поверьте, я много раз задавала сама себе этот вопрос и понимала, что вновь поступила бы точно так же, как тогда. Я – врач, мой долг – спасти раненых.

Абу-Валид защищал свою родину. Я – родину своих детей, что тоже немаловажно. И, как могла, объяснила детям, почему вынуждена была их так надолго покинуть. Вряд ли они до конца поняли мои мотивы – ведь Муину, старшему, ещё нет одиннадцати. Впрочем, кто уж всецело одобрил мои действия, так это младший, Рияд. Ему недавно исполнилось восемь, и он умирал от зависти, когда видел меня по телевизору или в Интернете. Очень просил взять его на площадь Тахрир, где так интересно и опасно!

Бывают такие мальчики, которые рождаются сразу воинами – на коне, опоясанные мечом. Сейчас их называют экстремалами. Мой младший сын уже давно решил стать коммандос и совершить какой-нибудь невероятный подвиг. Старший сын Муин и дочка Хейат не так страстно влюблены в романтику, но и во мне нуждаются не сильно. Я не очень часто вижу со своими детьми, и они, похоже, считают меня скорее учительницей, воспитательницей, но не матерью. Слишком долго мы жили врозь, и за эти годы между нами как будто выросла прозрачная, но прочная стена. Я появляюсь перед ними только для того, чтобы похвалить или наказать, провести нравоучительную беседу.

Но ни разу никто из них, даже дочка, не попросил приласкать его. Дети вежливы со мной, но не до кошта искренности. Мне трудно достучаться до их душ. Иногда создаётся впечатление, что им неловко при мне, даже тяжело, а я искренне хочу стать их другом! Дети не скучают без меня, и я не знаю, хорошо это или плохо. Моя жизнь полна опасностей, я принимала участие в боевых действиях, сидела в американской тюрьме, полгода находилась в коме, после которой пришлось долго восстанавливаться. Если бы дети переживали всё это, страдали и плакали, вряд ли мне стало легче.

Я возвратилась оттуда, откуда не возвращаются, и многие из вас читали мои воспоминания о пережитом. Не знаю, суждено ли мне остаться в мире живых, но революция подарила надежду. Я снова почувствовала себя востребованной, нужной родине. До сегодняшнего времени я будто бы лежала, в массивном, разукрашенном, наполненном сокровищами и увитом гирляндами саркофаге, имея на лице маску из чистого золота весом в одиннадцать килограммов. Так в Египте с древности хоронили фараонов, их жён и детей. И душа моя, подобно птице, хлопала крыльями, билась под сводами погребальной камеры, не в силах вырваться на волю.

Мощный вихрь перемен обрушил мою гробницу и вынес меня наружу, в пески пустыни и зелень оазисов, под яростный жар солнца и россыпи звёзд, по которым испокон веков вывели свои пути бедуины. И где-то далеко внизу остались лежащие грудой ароматические, благоуханные ткани, столько лет обвивающие моё тело. Мне опять пришлось отложить свидание с сыновьями и дочкой, которые теперь живут в Южной Африке, на одном со мной континенте и в то же время так далеко от меня!

На католическое Рождество меня не выпустила из Египта полиция. Из мемуаров все вы знаете, что я несколько лет носила электронный наручник, дающий возможность египетским и американским спецслужбам контролировать каждый мой шаг. Согласования продлились до конца января, когда десятки, сотни тысяч демонстрантов затопили улицы Каира и других городов. И я решила навестить брата, его семью и своих детей уже безо всякого разрешения и без проклятого пластикового браслета на левой руке, который не имела права снимать даже в душе.

Вчера, сразу после известия об отречении Мубарака с меня сняли датчик и вернули неограниченную свободу передвижения. Я не знаю, возникнут ли у меня трудности с въездом в США, но весь остальной мир отныне раскрыт передо мной. Я планирую вместе с детьми отправиться в кругосветное путешествие и там надеюсь по-настоящему подружиться с ними.

Извините за столь пространный ответ, но слишком животрепещущий, болезненный вы задали вопрос, мисс.

– Мы все с величайшим интересом выслушали ваш ответ, доктор аль-Шукри! Разрешите мне, филиппинцу, далёкому от политики поставщику красного и розового дерева, выразить вам своё восхищение и поздравить с заслуженно обретенной свободой. Я не обсуждаю здесь ваши симпатии и антипатии, ваш жизненный выбор и политические пристрастия. Но то мужество, с которым вы отстаиваете свои принципы, разделяю я их или нет, заслуживает преклонения. Скажите, где бы вы хотели оказаться в первую очередь, получив возможность свободно выбирать свой путь?

– Я хотела бы на несколько дней уединиться в Малайзии, па одном из пустынных пляжей острова Лангкави. Особенно впечатлил меня пляж в северной части острова, где песок черный, как молотый уголь. Ведь в других местах острова он цвета мела. Там отдыхают преимущественно арабы, и европейца можно встретить крайне редко.

Восемнадцатилетней, наивной, восторженной я приехала туда сразу после свадьбы со своим первым мужем. Кстати, многие могли видеть его в рядах демонстрантов и на площади Тахрир. Почтенный возраст не помешал Заферу аль-Ахмади неустанно требовать отставки Мубарака. Господин аль-Ахмади все сильнее склоняется к идеям «Братьев-мусульман», и в те далёкие годы позволял мне купаться только в одежде. Всё же, несмотря ни на что, я была счастлива там – ведь на Лангкави пришёл наш медовый месяц...

– Об этом вы не упоминали в мемуарах, госпожа Шамс! Я сама – писательница, живу в Швеции. Несколько раз перечитывала ваши откровения. И хочу вас спросить: к кому вы постоянно обращаетесь в своих записках? Создаётся впечатление, что историю, выложенную впоследствии для всеобщего ознакомления, первоначально вы рассказывали кому-то в интимной обстановке, почти по секрету. Что и немудрено – невероятно смелые, даже дерзкие откровения могли не понравиться многим влиятельным персонам.

Если можно, скажите, кем был тот человек, который побудил вас к шокирующей откровенности? На подобные признания тоже нужно решиться. Я имею в виду даже не ваш второй брак, а, главным образом, разоблачения деятельности различных спецслужб на Ближнем Востоке! Не все поймут вас, Шамс, и очень многие не одобрят ваши поступки. Но вам, похоже, это безразлично. Я чувствую, что вы очень доверяли тому, кого посвящали в тайны своей жизни, полной невероятных приключений и душераздирающих страданий...

– Да, я доверяла тому, к кому обращалась в своих текстах. И этот «кто-то» – читатель. Я хотела говорить с огромной толпой и с каждым в отдельности. Со всем человечеством и даже с самым маленьким человеком. В тот момент, когда пользователи Сети читают мои мемуары, они будто бы сидят рядом со мной, и я откровенно делюсь переживаниями. Говорю о том, что меня волнует, именно с ними.

Я хочу многое объяснить и тем, кто ничего не знает о моём народе, и тем, кто сам ведёт свой род от Измаила. Я пыталась донести свои слова и мысли до каждого, чтобы он меня, по крайней мере, вонял. И, по возможности, не осуждал. Жизнь невероятно сложна, и практически никогда резко не делится на чёрное и белое. В каждом из нас легко уживаются грешник и праведник, и их борьба за человеческую душу продолжается всё то время, что длится земное существование. Проблема в том, кто в конечном итоге победит, прежде чем холодеющие уста правоверного прошепчут последнюю шахаду, а над христианином не почтут отходную молитву.

Эти воспоминания – песнь моего сердца, страстный монолог. добровольная исповедь и надежда на прощание. Я знаю, что читающие эти откровения гораздо чаще проклинают меня, чем поощряют. И я говорю всем вам, друзьям и врагам: это моя жизнь, это моя любовь, это моя память. Как со смотровой площадки древней Цитадели открывается, потрясающий вид

на Каир и пирамиды Гизы, так и я сейчас смотрю на тот путь, который прошла, пытаюсь осмыслить случившееся со мной и решить, как жить дальше.

Я не заблуждаюсь относительно реакции на свои мемуары и знаю, что некоторые особо экзальтированные читатели поклялись найти меня и убить. Что ж, моя жизнь в руках Всевышнего, и до сих пор Он не призвал меня к себе. Скажу, что уже давно ничего не боюсь в этом мире, иначе затаилась бы и не стада писать книгу. Уповаю только на то, что все эти угрозы останутся словами. И недалёкие люди, которые произносят их вслух, присылают мне по электронной почте и на сайт, ещё успеют одуматься. Как промокший под ливнем уже не боится воды, так многократно убитый и воскресший философски смотрит на жизнь и смерть...

Отрывки из мемуаров доктора медицины Шамс аль-Шукри, названных ею «Ид аль-Адха» /День жертвоприношения/

– «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...» Я произношу бисмиллу, слова, которыми открывается каждая сура Корана и предваряется всякое важное дело. Эта магическая фраза, Фатиха, пишется на талисманах и архитектурных сооружениях Древнего Востока. И раз я, приступая к рассказу о своей жизни, начинаю с нее, значит, придаю своим действиям огромное значение.

Да, я принимала участие во второй иракской войне, но была только врачом, то есть исполняла свой долг. Своими руками я никого не убила, а спасла и выходила очень многих, и никто не вправе порицать меня за это. Знания, полученные в Гарварде, я применяла, спасая жизни повстанцев и мирных жителей, горожан и крестьян, взрослых и детей, мужчин и женщин. Я осознавала важность своей миссии, так как квалифицированных врачей в те дни рядом с ранеными было мало, и уж тем более мало кто из медиков хотел служить низвергнутому президенту.

Многие, дотоле уважаемые доктора-усташи, предпочли побыстрее отречься от законного главы государства и взять сторону оккупантов, обрушивших бомбы и ракеты па древнюю землю их родины. Видимо, они тогда считали себя мудрыми, благоразумными, преданными свободе и демократии. Они в открытую называли себя жертвами тирана и заложниками исламских террористов.

Теперь же сами американцы назвали ошибкой, а некоторые даже и преступлением, решение тогдашнего своего лидера начать войну. Конечно, за океаном и поныне существуют непреклонные сторонники агрессии. Но всё же большинство нормальных людей полагают, что война слишком дорого обошлась их стране. Мне трудно ненавидеть землю, на которой прошла моя молодость, где живут мои друзья.

Я ведь общалась в Гарварде не только с медиками, но и с юристами, экономистами, инженерами, с управляющими и многими другими тогдашними студентами. Ни один из которых ничем не обидел меня. Сколько ни пыталась, не могла воспринять их как врагов, пусть даже кто-то из них поверил официальной пропаганде и решил, что война может быть добрым делом. Я знаю, что американцы всерьёз боялись якобы создаваемого в Ираке нового оружия и ратовали за нанесение превентивного удара, дабы избежать худшего.

Они не потрудились осмыслить эти рассказы и представить, каким образом маленькая, измученная блокадой и голодом страна, может угрожать далекому всемогущему гиганту. В те годы я не приезжала в Штаты, не встречалась с бывшими друзьями, ни о чем их не опрашивала и не имела возможности повлиять на сложившееся мнение. Но я точно знаю, что они сказали бы мне, а я только рассмеялась бы в ответ, потому что жила тогда в Ираке.

Вряд ли могло случиться так, что государство, граждане которого в подавляющем большинстве пищу готовили на керосинках, а печи топили кизяком, было способно создать суперсовременное оружие. И, кроме того, запустить его в массовое производство! Люди в Ираке передвигались на старых, чиненных-перечиненных автомобилях с живописными заплатками на кузовах, а очень часто и просто на ослах. Экономили каждое зёрнышко риса, каждую щепотку муки, каждую ложку растительного масла, полученные по нормам, которые позволяли всего лишь выживать.

Я видела умирающих от недоедания и болезней, истощённых, безучастных ко всему детей. Их молодых матерей, которые выглядели старухами. Влачащих невыносимое существо-

вание инвалидов войны с Ираном и «Бури в пустыне», которые не нашли для себя дела в мирной жизни. Тяжёлую работу выполнять не могли, а учиться не имели никакой возможности.

И эти дистрофики, живые трупы, согласно заявлениям американского Госдепа, угрожали сытым, здоровым, пользующимся всеми благами цивилизации гражданам! И как бы доставили то мифическое оружие до их берегов? И сколько таких бомб или ракет могла произвести страна-узница, закованная, как в кандалы, в запреты санкций и эмбарго? Из Ирака, уже двенадцать лет находящегося в заточении, еле дышащего, не опасного даже для ближайших своих соседей, сотворили настоящего монстра, чтобы оправдать вторую войну.

Сейчас вашингтонский истэблишмент обвиняет во всём разведку, якобы предоставившую неверные данные о работе над иракским новым оружием. Это ложь. Никто и не думал, что исследования действительно ведутся, да ещё находятся в такой стадии, которая требует немедленного вмешательства! По всем правилам пропагандистской науки состряпали боевик об очередном прибежище мирового зла, с которым непременно должны сразиться светлые силы под звёздно-полосатым флагом. Уничтожить первопричину всех бед современного мира в целом, а также Ближнего Востока в частности.

Ну а после, как водится, будет хэппи-энд, получение в неограниченное пользование гигантских запасов высококачественной нефти, причём фантастически дешёвой по себестоимости. Игра стоит свеч, не так ли?! Представьте себе, что старый, больной, беспомощный человек владеет богатством, которым вряд ли уже сможет воспользоваться. Но всё-таки самым фактом своего существования он мешает завладеть этим имуществом и поделить его между собой.

Банда молодых лоботрясов, которые тратят намного больше, чем получают, положила глаз на состояние больного и ждёт, когда тот умрёт, чтобы наконец-то сделать решающий рывок. Но старик не умирает, и бандиты, которые уже не могут больше ждать, начинают распускать о владельце сокровищ самые невероятные, самые подлые и кошмарные слухи. Этого человека обвиняют в убийствах, воровстве, колдовстве, канибализме и всех прочих смертных грехах.

И, дождавшись, когда хозяина сокровищ возненавидит вся округа, когда люди, охваченные паникой, слёзно попросят защитить их от злого кудесника. В противном случае, он непременно сожрёт своих соседей. Бандиты врываются в дом несчастного и убивают его! И чувствуют себя при этом не преступниками, а героями. Точно так же называют их благодарные соседи. Теперь имущество принадлежит им по праву, как награда за опасную, кровавую, титаническую работу, которую ради всеобщего блага эти выродки непременно должны были сделать!

К главарю банды начинают приходиться на поклон добропорядочные обыватели. Слезно просят допустить их к дележу добычи, обещая за это свою преданность. И в числе этих просителей можно заметить друзей и родственников жертвы. Они, конечно же, осуждают разбой, но делать нечего, назад отыграть нельзя. И потому надо как-то договариваться с хозяевами сокровищ. То есть, говоря по-нынешнему, «быть реалистами»».

Ну, а то обстоятельство, что друзья эти не вступились за несчастного, пока его ещё можно было спасти, с лёгкостью оправдывается следующими доводами. Да, он – жертва. Но ведь имел же какие-то грехи, не всегда поступал правильно и справедливо. Ссорился с женой, давал подзатыльники непослушным детям. Его овцы двадцать лет назад потоптали чей-то сад, а его дальние предки когда-то разбойничали на большой дороге.

Он не был святым, а, значит, его можно убить, особенно если откуда-то появились такие жуткие слухи. На всякий случай пусть его не будет. Так спокойнее для всех, потому что не станут же приличные люди публично лгать насчёт злодейств убитого...

Вот так я вижу то, что произошло шесть лет назад на моих глазах, чему я была свидетелем. Вы можете упрекнуть меня в предвзятости – ну а кто из людей беспристрастен? Справед-

лив только Аллах. Но вряд ли найдётся маньяк, который станет спорить с утверждением о том, что Соединённые Штаты Америки расходуют нефти во много раз больше, чем производят. А, значит, им потребовалось захватить вторые по размерам разведанные её запасы. И пусть меня убеждают по-доброму, пусть бьют, пусть даже казнят, но я никогда не поверю, что у той, второй войны были другие причины.

Поводов оказалось гораздо больше, по крайней мере несколько – то самое оружие, свирепая диктатура, от которой к началу войны уже и следа не осталось, кувейтский кризис многолетней давности, проблемы с Израилем и так далее. Но причина, повторяю, одна – НЕФТЬ! А, значит, сверхдоходы, получаемые, в том числе и членами клана, к которому принадлежит тогдашний президент США.

Он решил завершить дело, мудро не доконченное его отцом, и тем самым обессмертить своё имя в истории. Надо сказать, Джорджу Бушу-младшему это удалось. Только вряд ли кто-либо захотел бы такой славы! Быть ненавистным для собственного народа – страшнее всего, намного хуже гибели. И этот позор останется с ним навечно.

Вы можете мне возразить, и будете правы. Например, вспомните войну с Ираном, кувейтскую эпопею, обстрелы СКАДами территории Израиля. Да, это было, к сожалению. Но теперь, когда в Ираке сидит якобы невероятно демократическое, справедливое и свободно избранное правительство с ранее угнетаемым шиитом во главе, и другим страдальцем, курдом, на посту президента, я спрашиваю: а стало ли в том регионе спокойнее? И отвечаю: нет, нет и ещё раз нет!

Бое столкновения, большие и малые, следуют одно за другим, периодически переходя в войсковые операции. Теперь намерение изготовить атомную бомбу приписывают Ирану, который если и не станет следующей мишенью «белого орлана», то только потому, что его прикрыл собой бывший противник в восьмилетней войне. Никто уже не считает битву в песках лёгкой прогулкой. И я, в числе прочих, внесла собственную малую лепту в общее великое дело. Кровавого тирана на Ближнем Востоке больше нет, а напряжённость не спадает, ибо вовсе не в нём суть проблемы...

Во все времена завоеватели прикрывались благими намерениями, которыми, как говорят христиане, вымощена дорога в ад. Полчища агрессоров, накатываясь на ту или иную вожде ленную землю, меньше всего думали о благополучии её коренного населения. Уничтожая людей тысячами, а потом и миллионами, убийцы не переставая говорили о каком-то благословенном «новом порядке», об избавлении подвергшихся нападению жителей от рабства, диктатуры, неправильной веры и прочих вселенских зол, дотоле мешавших им нормально существовать. Правители внушали своим народам, что те должны идти в дальние края умирать сами и убивать других во славу истинного бога, свободы, демократии или бредовых идей фюрера.

Кое-кто верил, но большая часть войска захватчиков шла, повинувшись приказу. А самое главное, из желания взять трофеи. Истинная цель любой войны, от древних до нынешних, – нажива, большая и малая. Плюс, правда, не всегда, – расширение жизненного пространства. Не думаю, что американцы собирались строить свои поселения в Ираке, но напитать экономику дармовой нефтью им было необходимо. Глобальный экономический кризис смердяще дышал им в спину. И нужно было каким-то образом, сохраняя привычный для населения высокий жизненный уровень, удержаться на плаву, спасти сверхдержаву от всех тех ужасных явлений, которые порождает финансовый и экономический обвал.

И кризис разразился спустя несколько лет. Он захватил не только Америку, но и практически всю планету. Распространился, как заразная болезнь. В условиях глобализации, когда многие государства составляют как бы единый организм, когда они срослись, будто сиа мские близнецы, сосудами, внутренними органами, мышцами и костями, подобную эпидемию предотвратить невозможно. Но начало было положено именно тогда. Не утруждая себя поисками и раздумьями, научными исследованиями и непопулярными действиями, неоконсерва-

тивная администрация нашла, как показалось, невероятно простое и феерически эффективное решение всех сложных задач разом.

Эти выпускники элитарных университетов, считающие себя рафинированными и цивилизованными, ни на шаг не отошли от психологии ковбоев и гангстеров. Если тем, в чём ты нуждаешься, владеет другой, ты должен взять у него это силой! А победителей, как известно, не судят. Остальным придётся смириться.

В первую очередь испанских завоевателей на земли ацтеков манило именно золото, как, впрочем, и англосаксов – в Северную Америку. И многие аборигены проклинали богатство своей земли, считая, что, будь они бедными, никакие грабители не позарились бы на их жилища. Точно такие же проклятия и стенания я слышала сквозь разрывы бомб и ракет, сквозь стоны раненых и хрипение умирающих. «Будь проклята нефть, из-за которой мы так страдаем!»

Вы, конечно же, знаете, что Ирак богат и газом, а это ничуть не менее важно в наше время. Очень многие люди, и я в том числе, считают, что Куба и Северная Корея уцелели лишь потому, что в их недрах не было нефти и газа, а уже на втором месте – всех прочих природных богатств. Значит, современные конкистадоры не нашли достаточно стимулов для того, чтобы послать туда войска и спасти тамошние народы от власти диктаторов.

Конечно, желающие возразить мне нашли бы множество аргументов, опровергающих эти выводы. Но, еще раз повторяю, никто и никогда не сумеет переубедить меня. Тот, кто не был там во время второго вторжения, кто не прожил в Ираке несколько предшествующих лет, вообще не имеет права рассуждать на эти темы и хоть чем-то оправдывать негодяев, отдавших приказ о начале чудовищной бойни! Мне мучительно слышать разглагольствования мнящих себя гуманными господ, которые допускают зверское уничтожение десятков тысяч людей ради того, чтобы избавиться от неудобного режима!

Так ведь и Гитлер, насколько я помню, тоже собирался кого-то там от чего-то освободить! И многие завоеватели, задолго до него, считали себя миссионерами, призванными приобщить дикие народы к единственно верному учению Христа. Любой преступник нуждается в оправдании. Очень часто он жаждет снисхождения и прощения. Так бывает в тех случаях, когда задуманное ему не удаётся, или же приходится приносить слишком большие, пугающие его жертвы.

Вот тут уже вспоминают и о слезинке ребёнка, и о праве других кидать в них камни, и о невозможности всегда быть справедливым, и о недопустимости жизни по ветхозаветному принципу «око за око». Увы, одни и те же люди по-разному оценивают похожие события, только лишь в зависимости от того, как им выгодно подать происходящее! А согласились бы эти добрые самаритяне сами стать теми «необходимыми жертвами», которые приносятся на алтарь свободы? Да ещё непременно прихватить с собой детей, родителей, супругов, братьев и сестер?!

Нет, эту большую честь они великодушно дарят другим, далёким и незнакомым. А к себе по каждому пустяковому поводу вызывают психологов, чтобы оправиться с депрессией! Стоит ли спасение от диктатора этих смертей? Вероятно, стоит, потому что слишком уж мучилась страна под лютой, сатанинской властью! Мучилась не от санкций, введённых просвещённым «мировым сообществом», а именно от режима, который, уж поверьте мне, был для Ближнего Востока весьма либеральным. В Ираке не побивали людей камнями, не сжигали, облив нефтью, не рубили публично головы, и руки за воровство тоже не отсекали.

А ведь в соседних государствах такое в порядке вещей, но у «мирового сообщества» нет к ним никаких претензий! Это, дескать, их внутренние дела! И только у одной страны никаких внутренних дел быть не могло. Создавалась как раз та ситуация, когда, куда бы ты ни повернулся, тебе скажут, что повернулся ты не в ту сторону.

Но, например, все без исключения дамы должны оценить то, что этот самый деспот-людоед, любимым занятием которого, оказывается, было растворение живых людей в серной кислоте, невероятно уважительно, что вовсе не свойственно восточным мужчинам, относился к женщинам и девочкам. Возможно, вы не до конца понимаете, что такое получить равные права и возможность учиться, а также разводиться даже в том случае, если муж с этим не согласен. А после развода ещё и сохранять свои юридические права!

Но поверьте мне, которой в семье первого мужа довелось через всё это пройти, – такие законы буквально освободили, подняли многих из праха! Если даже среди либерально настроенной родни то и дело возникали конфликты, ожесточенные опоры относительно того, можно ли получать высшее образование на Западе мне и моей сестре Зейн, то что творилось в низах? В насквозь религиозном обществе, находящемся в полномочии шейхов и мулл, которые были, мягко говоря, очень недовольны этими нововведениями? Они бурно протестовали всё то время, что говорились и обсуждались эти законы, но все же реформы были проведены.

Это случилось в начале девяностых годов, когда я училась в Гарварде. К тому времени я уже вышла замуж, но с каждым месяцем мы все хуже понимали друг друга. Отчуждение и гнев нарастали. Однако, мой первый муж не торопился подавать на развод. Он только каждый день упрекал меня в холодности и неблагодарности по отношению к нему, который, представьте себе, позволил мне учиться на врача в то время как мог бы ежедневно избивать тростью. Впрочем, были ещё варианты – кулаком или раскрытой ладонью. Последний способ – самый гуманный.

Людям западной цивилизации трудно вообразить, что значит годами находиться взаперти, лишь изредка видеть солнце и небо, да и то через чачван. Это – чёрная сетка, которой женщина закрывает лицо; сверху набрасывается чадра. А какая пытка для разумной, любознательной девочке оставаться неграмотной, даже превратившись в зрелую женщину! Если отец или супруг против, она не смеет противиться их воле! Представьте себя на месте такой девочки и поймите, что значил для неё принятый ещё в семидесятые годы закон, по которому среднее образование объявлялось обязательным для лиц обоих полов!

Родители, запирающие девочек дома, с тех пор подлежали наказанию. На них можно было пожаловаться и тем самым спасти себя от дикости и невежества. И уж тем более ни один отец не помышлял лишить свою дочь жизни только за то, что она, с его точки зрения, вела себя слишком фривольно...

Видимо, я утомила, вас столь длинным вступлением, дорогой мой читатель, но без него нельзя обойтись. Вы слышали, должно быть, столько дурного об Ираке и его бывшем президенте, что не можете быстро перестроиться и проникнуться моими чувствами. Я рассказываю только о том, что видела сама, не доверяя сомнительным источникам.

Может быть, вы помните, как в девяностом году какая-то холёная дама с экранов телевизоров вещала на весь мир о том, что иракские солдаты в Эль-Кувейте убили в роддоме всех новорожденных младенцев, а недоношенных выкинули из кювезов? А после ещё натворили невероятное количество зверств.

Потом выяснилось, что иступлённую женщину-медика сыграла дочь кувейтского дипломата. Она никогда не находилась на оккупированной территории и ни в каком роддоме не работала. Это был один из самых мощных залпов пропагандистской войны, и именно он произвёл на меня шокирующее впечатление.

Семнадцатилетняя девушка, уже сосватанная за почтенного партийного функционера, я сперва ужаснулась от того, как солдаты поступили с детьми,. А после была потрясена до глубины души ещё раз, узнав, что всё сказанное оказалось неправдой! Зачем потребовалось врать, когда и так тогдашние действия иракского руководства подлежали осуждению, поскольку была совершена агрессия в отношении суверенного государства? Почему так произошло, я узнала гораздо позже, и потом несколько изменила свой взгляд на проблему. Но тогда я думала, что

средства массовой информации по определению правдивы. И эта ложь стала первым толчком, покачнувшим дотоле незыблемую веру в печатное и сказанное с экрана слово.

В дальнейшем я узнала, что не только в Кувейте, но и в других, «горячих точках» снимают «фильмы ужасов»; и заняты в них, как правило, одни и те же актёры. Если не хватает реальных свидетельств военных преступлений, телевизионщики подменяют хроникальные кадры, выдавая картинку одного конфликта за свидетельства другого. Или просто, как в случае с той дамой, нанимают подставных лиц, которые должны поведать миру о леденящих кровь фактах.

Так вот, клянусь Аллахом, я этого не делала и не сделаю. Мне нет нужды, обращаться к кому-то за подтверждением своих слов; я всё подтверждаю сама. И уже никто никогда не скажет, что ужасающая трагедия в бомбоубежище района аль-Амария, грянувшая в феврале девятиности первого года, являлась инсценировкой. Случись такое в какой-то другой стране, убийц заклеямили бы сразу и навек.

Тогда я не жила в Ираке, но точно знаю, что две «умные» бомбы с лазерным наведением, сброшенные «Стелсом» на укрытие, уничтожили несколько сотен мирных жителей. Бункер подготовили для вождей, но буквально накануне его статус поменялся. Для населения не хватало убежищ, а это считалось самым надёжным. И многие отправили туда свои семьи. Я часто воображала себя и своих детей в том аду, в аль-Амарин. Пусть каждая мать представит там себя с ребёнком!

Налёты следовали один за другим – волнами, без просвета, без перерыва. Люди думали, что хоть внизу, за хорошо укрепленными перекрытиями, им удастся поспать. Забывшимся повезло, они не успели понять, что случилось. Одна бомба влетела в вентиляционное отверстие и проделала проход для другой. Та взорвалась уже внутри. Люди сгорели заживо, и силуэты некоторых из них отпечатались на бетонных стенах. Я побывала там не единожды, много лет спустя, но мне чудился запах горелой человеческой плоти.

И это только один символ, а их было множество. Но тогда кричали об устаревших ракетах СКАД, возможности которых несравнимы с возможностями «умных» бомб! И, узнав об этом, я поняла, что «мировое сообщество», не таясь, объявляет жителей нашей планеты не равными перед Богом и законами. Одних можно истреблять десятками тысяч. Даже если их пожалеют, то, между прочим, наравне с птицами, погибшими в загрязнённых нефтью водах Персидского залива. А других нельзя не то что уничтожить, а даже напугать, побеспокоить, просто уличить во лжи...

Я поняла это раз и навсегда, а после уже не знала ни сомнений, ни слабости. Наверное, не мне казнить и миловать, тем более что врач должен быть гуманным и сострадать даже противнику. Но я хотела бы увидеть такого человека, который действительно способен пожалеть врага! Не перед телекамерой, не перед газетным репортёром, не в обыденном, ни к чему не обязывающем разговоре! Нет! Пусть он потеряет семью, как в аль-Амарии, или вынесет то, что выпало на мою долю, или как-то ещё жестоко пострадает. А потом простит убийц, имея возможность им отомстить, а не из трусости или лени.

Да, я хотела бы взглянуть на него, прежде всего как врач, и всесторонне изучить мотивы его поведения. С моей точки зрения его поведение неадекватно. Человек просто болен. Я не могла бы исповедовать христианство, и благодарю Аллаха за то, что мне выпало быть Его рабой. Существуют преступления, не подлежащие забвению и прощению. Жертва должна отомстить или умереть, дабы избежать позора.

Я – обыкновенная женщина. Умею любить и жалеть, смеяться и плакать. Чувствую боль своих пациентов и от души сострадаю им. Но это вовсе не значит, что я лишена права ненавидеть врагов.

В начале две тысячи четвёртого года по европейскому календарю я оказалась в плену у шиитской банды, услугами которой пользовались американцы. Если нужно было выпол-

нить грязную работу, похитить каких-то людей, допросить их с применением зверских пыток, а после убить, но самим остаться чистыми, оккупанты обращались к своим формальным противникам, а на самом деле – подручным.

Все, кто видел в Интернете кадры с записью казни бывшего президента Ирака, наверное, запомнили, как собравшиеся вокруг эшафота выкрикивали одно слово, вернее имя, – Муктада. Муктада ас-Садр, который, по слухам, и приводил приговор в исполнение, скрываясь под маской, на людях громогласно проклинал захватчиков, а сам служил у них палачом. Если бы те бандиты узнали, кто я на самом деле, не пощадили бы меня ни за что. Более того, предали бы самой ужасающей казни из тех, которые практиковали в отношении своих врагов.

Но люди, захваченные вместе со мной той январской ночью, не выдали меня даже ради того, чтобы спастись самим. Им отрезали головы у меня на глазах. Насчёт меня долго решали, как поступить, – побить камнями, повесить на автомобильном кране или попросту расстрелять. Мы нарвались на засаду в доме одного из повстанцев, которому требовалась срочная операция; он был ранен в ногу.

Но шиитские боевики опередили нас, вырезали всю семью раненого, самого его разорвали между двумя джипами, а в доме оставили своих людей. Их было десять человек, а нас всего пять. При мне был саквояж с хирургическими инструментами. Боевики Армии Махди сообразили, что я собиралась оказывать помощь повстанцу-сунниту, а, значит, связана с ними.

Я уже готовилась в последний раз произнести шахаду и мысленно просила прощения у остающихся сиротами детей. А убийцы веселились, кидая жребий, потому что никак не могли выбрать вид казни. К их неудовольствию, выпал расстрел, и меня немедленно потащили за дом, швырнули к стенке. В тот момент я больше всего боялась, что убийцам захочется ещё со мной и поразвлечься...

Бородатый громила уже совершал намаз, прежде чем прошить меня из автомата. Я, стоя у глинобитной стены, молилась тоже. Тела четверых моих спутников, два часа назад живых и сильных, остывали рядом с хозяйственной утварью в лужах высыхающей крови, под навесом.

Но вдруг к воротам подъехала машина, и из кабины выпрыгнул другой бородач. Он махнул рукой моему палачу, и тот нехотя опустил оружие. Оказалось, что одному из вождей «Армии Махди» срочно требуется врач-женщина. У его жены внезапно осложнились роды, и ребёнок пошёл спинкой. Будущий отец воззвал к Аллаху, и Он услышал молитву.

Мне пришлось, едва избежав расстрела, выбросив на какое-то время из памяти ужасные сцены казни моих друзей, производить поворот и извлекать младенца из чрева четырнадцатилетней девочки. Когда на женской половине раздался плач его сына, боевик приказал не только отпустить меня, но и доставить под охраной туда, куда я захочу.

Каким-то чудом мне удалось удержать сознание до тех пор, пока тот же грузовик не высадил меня в двух кварталах от больницы, где я раньше работала. Идти на явку я не хотела из-за возможной слежки, а потому постучалась в знакомые двери и попросила о помощи. В тот момент у меня была температура под сорок, озноб, а дальше начался бред. Я боялась лишиться рассудка после того, что увидела этой ночью, но через неделю прошёл кризис.

Я смогла покинуть госпиталь, где меня выходили бывшие коллеги, предусмотрительно спрятав в подвале, и вернулась к Абу-Валиду с его ребятами. Там и узнала, что меня уже успели оплакать, считая погибшей. Вскоре я навсегда покинула Ирак. Больше я не имела права испытывать судьбу. Мы с Абу-Валидом, ещё не оправившимся от тяжелейшего ранения в шею, через Иорданию выехали из страны, за которую сражались, не щадя своих жизней.

Меня уже слишком хорошо знали – и американцы, и местные их прислужники. Я более не могла свободно передвигаться по Багдаду и его окрестностям, чтобы прооперировать того или иного раненого. Раньше я делала это часто, и всякий раз удачно. Но дважды мне пришлось сильно поволноваться. О том, что произошло со мной шестью месяцами раньше, летом две тысячи третьего года, я расскажу позднее.

Наверное, кое-кого удивляет, что я откровенно говорю о своём тяжком прошлом. Но то, о чём вы читаете сейчас, давно известно моим недругам. Они имеют все основания опасаться меня, и потому украсили моё запястье серым пластмассовым браслетом. Вряд ли он может обрадовать женщину, но я горжусь им больше, чем всеми своими драгоценностями. Электронный наручник постоянно напоминает мне о страхе, который испытывают передо мной противники.

Они поместили меня, как скотину. Постоянно следят за мной и в Египте, и в России, куда я приезжаю к брату и детям, а перед тем мучительно долго согласовывают формальности. Меня круглосуточно стерегут, и будут стеречь ещё долго. Без суда я приговорена к унижительному, тяжкому наказанию. Те, чьей волей я когда-то оказалась в Ираке, спустя много лет объявили виновной именно меня. Объявили шпионкой, а после наказали за экстремизм.

Это называется «ограничение свободы». Человек находится на воле, но возможность его передвижения существенно сужена. Только с этим «подарком» я имела возможность покинуть американскую тюрьму, куда была заключена в начале две тысячи шестого года как предполагаемая сообщница исламских фанатиков-террористов. Через тринадцать месяцев после бегства из Ирака меня всё-таки арестовали. Абу-Валид, к счастью, остался на свободе. В противном случае его ждала бы тюрьма на базе Гуантанамо.

Я же теперь в виде красной точки постоянно перемещаюсь по монитору дежурного. Эти «часики» снять нетрудно – достаточно перерезать браслет ножницами. В таком случае срабатывает сигнал тревоги, и мне придётся досиживать срок в тюрьме. Но это не входит в мои планы. Мне дарована возможность видеть детей, пользоваться относительной свободой, даже на время покидать Египет.

Мой отец поручился за меня перед людьми, от которых зависела моя судьба. У него была такая возможность. Он оказывал услуги парням из спецслужб, а кое с кем из них даже дружил. Родители достаточно слёз пролили за те годы, что я провела вдали от них, от всей семьи, и потому я стараюсь вести себя примерно.

С браслетом я не расстаюсь ни днём, ни ночью. Надевать и снимать его могут только полицейские. На поясе у меня висит передатчик, и ещё одно устройство устанавливается в том доме, где я в данный момент проживаю. Как правило, это наш особняк в Александрии, а также дома в Каире или Луксоре. Реже – вилла моего брата под Москвой. Ни при каких обстоятельствах я не должна появляться в Штатах, в том числе с чужими документами.

Разумеется, не жадуют встречи со мной и нынешние иракские власти. Более никому я не опасна, и ни у кого в том нет сомнений. Из жертвы сделали преступницу, перед которой сами теперь цепенеют в ужасе и тратят громадные средства на слежку. Но даже если бы они упрятали меня в камеру, связали по рукам и ногам, я всё равно оставалась бы свободной.

Теперь я способна выйти из-под любой власти и в то же время получить безграничную власть над людьми и обстоятельствами. Там, в Ираке, и здесь, в Египте, меня научили многому, и благотворная древность ныне даёт мне силы жить. Они думают, что победили меня. На самом деле я победила их.

* * *

– «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...» Моя жизнь сложилась таким образом, что после каждого слова я привыкла говорить «иншалла», то есть «если будет угодно Всевышнему». Я опасаясь загадывать вперёд – не только надолго, но даже на один день или на час. Ведь так мало на самом деле может смертный человек, и даже миг в силах окончательно и бесповоротно изменить человеческую жизнь. Я в этом убеждалась не раз, и потому знаю, как мало зависит лично от меня...

Наша семья жила в Луксоре, на правом берегу Нила, который воздвигнут на месте древних Фив. Это – столица Египта в период с двадцать первого по одиннадцатый век до новой эры. Там находится храм бога Амона-Ра, а также множество других памятников давних и славных лет, изваяний и усыпальниц. Кажется, время застыло в Луксоре. И я ощущаю даже сейчас, что пришла в холодные страны из благодатной земли Кеми, как называли Египет, Верхний и Нижний, в те года.

Но, разумеется, семья наша не знала иных богов кроме Аллаха. Каждый из нас, вслух и мысленно, бессчётное число раз повторял шахаду. Эти слова дети слышат, едва родившись, и их же произносят умирающие, ибо отошедший с шахадой на устах входит в Рай, Джаннам. Предки моей матери Айши были евреями, которые не последовали за Моисеем в землю обетованную. По крайней мере, так шутили мои родственники, которые давно уже приняли ислам.

Я родилась по европейскому летоисчислению шестого ноября семьдесят третьего года, во время Фаджра – предрассветной молитвы. Вся семья очень обрадовалась доброму предзнаменованию. Как и всех прочих младенцев, меня, сразу же ввели в умму – в общину. Для этого нашептали в правое ухо призыв к молитве, а в левое – повеление встать на молитву. Таким образом, первое, что я услышала на Земле, было имя Божье.

Мне помазали мёдом губы, раздали щедрую милостыню, а мой отец заколол одну овцу, как всегда делается после рождения девочки. За пять лет до этого ему посчастливилось зарезать двух – по случаю рождения моего дорогого брата Хамалья, о котором я вам уже рассказывала. А поскольку сын в семье уже родился, и он был первым ребёнком, мой отец Юсуф аль-Шукри был спокоен и не бранился, узнав, что Айша разрешилась дочерью.

Мясо жертвенной овцы, как и деньги, раздали нуждающимся Меня нарекли Шамс, чтобы я в жизни согревала и радовала людей, подобно Солнцу. Но доньне моего отца называют Абу-Хамаль, а мать – Умм-Хамаль. Я уже объясняла вам, почему это так происходит. И мой любимый брат, мой спаситель и покровитель, уверяю вас, достоин этой чести.

В том году ещё был жив мой дед, хафиз много раз бывавший в Мекке и знавший Коран наизусть. Он пользовался в умме огромным уважением, и слово его было законом для домоладцев. Его тасбих, молитвенные чётки, отец всё время носит с собой и никогда с ними не расстаётся. Я деда помню плохо, в сознании всплывает лишь синайский зелёный ковёр, на котором он любил сидеть, скрестив ноги. Они с отцом и моим старшим братом Хамалем ездили в городок Дарау, близ Асуана, на ярмарку верблюдов.

Когда-то наши предки часто покупали там суданских одnogорбых дромадеров, но на моей памяти мужчины уже предпочитали автомобили. Хамаль с юности стал страстным гонщиком. В прошлом году мой брат взял туда с собой моих сыновей – Муина и Рияда. Дети были в совершеннейшем восторге. Муину исполнилось десять. Он с гордостью выполняет пятиричную молитву наравне со взрослыми и ведёт себя уже давно как взрослый мужчина. Рияд рано выучил алфавит и многие суры Корана, откровенно завидует брату и ждёт своего часа. Кажется, нам удалось приучить мальчиков болтать между собой по-арабски. Когда их привезли из Москвы, они то и дело секретничали на русском, и я почти ничего не могла понять. Приходилось просить Абу-Валида узнавать, что замышляют мои сорванцы.

Мальчики и их сестра учат третий язык – английский. Но стараются по, возможности обойтись без него. Их дядя Хамаль сумел в Москве воспитать племянников точно так же, как это было бы в Египте или в Ираке, на их родине. И в Александрии, и теперь, в Йоханессбурге, все трое не вылезают из-за ноутбуков, постоянно общаются с друзьями, оставшимися в далёкой холодной стране, которая стала им родной.

Там они смотрели телевизор, читали книжки, играли с местными детьми. А, значит, оставили в России частичку своих сердец. Дети дипломатов из коттеджного посёлка разлетелись по всему миру, и я радуюсь, что у Муина, Хейат и Рияда на Земле так много друзей – практически в любом государстве. Они стали реальными гражданами мира.

А ведь именно этого так не хватало нам с Хамалем и нашей маленькой сестрёнке Зейн – нежной, грациозной, музыкальной. Она была так красива, что я рядом с ней – дурнушка. Несмотря на недовольство отца, Зейн уехала в Европу для продолжения образования, занималась фортепьяно и вокалом. Но вскоре после возвращения в Египет Зейн выдали замуж по сватовству, за богатого торговца хлопком, которого звали Абдул-Рахман.

Я тогда училась в Гарварде, и мой супруг, имевший репутацию либерала и западника, проживал вместе со мной в штате Массачусетс, ненавязчиво присматривая за молодой женой. Он позволял мне многое, в чём потом не раз упрекал. Но разрыв с ним, как я теперь понимаю, был предопределён изначально. Я согласилась стать его женой, чтобы обрести свободу, больше, чем имела в родном доме. Наш отец, по образованию геофизик, посвятил жизнь нефтяному бизнесу, вместе с компаньонами владел крупными производствами. Занимался и добычей, и переработкой, открыл сеть бензозаправок.

Он и сейчас является членом правящей в Египте Национально-демократической партии и принимает активное участие в её деятельности. Юеуф аль-Шукри никогда не был деспотом и ортодоксом, но имел несколько твёрдых, как камни, принципов, которые защищал до последнего. И, согласно одному из этих убеждений, женщина не должна была, особенно после замужества, работать. Тем более ей воспрещалось строить карьеру в ущерб обязанностям жены и матери.

Увлечения Зейн и подавно не могли радовать нашего папу. Он поспешил прекратить её занятия, считая их развратными и грязными. «Актриса» и «проститутка» в его устах звучало одинаково. Папа воспринимал искусство на уровне сверх популярного в Египте «танца живота» – как везде на Востоке. Мама пыталась переубедить его, доказывая, что Зейн занимается благородным делом, не имеющим ничего общего с услаждением похотливых мужских взоров, но отец был непреклонен. Зейн, подобно мне, согласилась на брак именно потому, что Абдул-Рахман был человеком лёгким и весёлым, много работал, постоянно находился в разъездах, и никак не стеснял свободу жены.

Разумеется, о публичных выступлениях Зейн речи не шло. Но она, по крайней мере, могла музицировать вволю, не боясь прослыть гулящей. Потом Абдул-Рахман стал брать жену с собой в зарубежные поездки. Зейн увидела мир, оттаяла душой, освоила несколько индийских и японских струнных инструментов. Начала всерьёз заниматься танцами, и достигла в этом больших успехов, что при её врождённых данных было неудивительно.

У них родился сын Юнус. А когда Зейн ожидала второго ребёнка, случилось горе. Я ещё не успела пережить свою потерю. Даже острота страдания не ослабла, как вновь пришлось надевать траур и читать саят аль-джаназа – успокоительную молитву. Сестра умерла на моих руках совсем молодой – ей не было и тридцати. Она перестала говорить, только смотрела на меня и, не умолкая плакала от боли и обиды.

Я знала, что Зейн не спасти, но всё же боролась, пока были силы. Сдалась только после того, как авторитетный консилиум окончательно приговорил сестру. И я, коллега уважаемых докторов, поняла, что ничего иного сказать они не могли. За два дня до того, как мне исполнилось тридцать пять, я получила очередной страшный удар судьбы и выжила с трудом.

А пока вернёмся в наше счастливое детство, которое и теперь светит в ночи моих невзгод, словно факел любви. Как я уже говорила, наш клан был и остаётся богатым, влиятельным, искренне уважаемым. Мой отец, Юсуф Ибрахим аль-Шукри, никогда никому не отказывал в помощи и добром совете. Даже когда он серьёзно заболел, перенёс инсульт, инфаркт и операцию на сердце, в нашем доме, увитом виноградом, стоящем на фундаменте из розового асуанского гранита, всё время находились посторонние люди. Все хотели о чём-то поговорить с отцом.

После того, как не стало Зейн, Юсуф объявил нам, что проживёт недолго, ибо больше всех виновен в случившемся. Он только пообещал проклясть любимицу, младшую дочь, если

она не образумится и не оставит мысли о карьере певицы. Не проклял, нет! Только пообещал! И после жестоко страдал, считая, что Аллах внял его неосторожным словам. Отец уже бывал в хадже и хотел еще раз пойти, специально для того, чтобы искупить вину перед Зейн и претерпеть неизбежные испытания.

Он мечтал, как многие правоверные, умереть в состоянии ахрам, то есть святости, и быть похороненным в одежде паломника. И ещё папа добавил, что, если покаяние не будет принято, и он вернётся из хаджа живым, то пожертвует солидную часть своего состояния в пользу рожениц и младенцев. Он ведь любил Зейн, даже больше чем Хамалья, не говоря уж обо мне. Я слыла строптивой и неласковой, а Зейн в детстве была очаровательна. Все родственники, знакомые, соседи, гости обожали её и не спускали с рук. Отец не считал запреты, налагаемые на детей, проявлением гнева или наказанием. Даже своему единственному сыну и наследнику Хамалю запретил быть археологом, к чему тот с детства имел склонность, и приказал ему стать дипломатом.

Проживая в Луксоре, среди храмов и музеев, близ Долин царей и цариц, плывая по Нилу на фелюге и наблюдая за чарующим представлением «Звук и свет», проходящим каждый вечер в Карнакском храме, трудно не «заболеть» древностью. Но отец и это счёл грехом, искушением, неугодным Аллаху, и Хамаль вынужден был подчиниться.

Как известно, почти вся территория Египта – пустыня. Вернее, несколько пустынь Ливийская, Аравийская и Нубийская. Плата постепенно возвышается к востоку и обрывается у Красного моря и Суэцкого канала. Жизнь по-настоящему кипит лишь в долине Нила, который является единственной постоянной рекой и в буквальном смысле слова несёт жизнь в раскалённые пески.

Есть ещё оазисы – зелёные островки около источников, выходящих через грунт на поверхность. Источники встречаются разные – пресные, минеральные, холодные и горячие. Отец часто возил и маму, и нас к ним для лечения и отдыха, где бы мы ни проживали – в Луксоре, в Каире или в Александрии. У нас было три дома, и мы попеременно останавливались в каждом, в зависимости от времени года – то на побережье Средиземного моря, то в глубине страны, близ Нила.

Хамаль обожал гонять на джипе по пляжам, прямо по линии прибоя, и позже я составляла ему компанию. Брату было около двадцати, мне – почти пятнадцать. Эти поездки, совершаемые вечером и ночью, когда море и пустыня особенно прекрасны, похожи на сказочный сон. Отец уезжал по делам, а мы потихоньку от мамы и прислуги выводили автомобиль из гаража.

С Хамалем я чувствовала себя в полной безопасности, несмотря на то, что нас не раз пытались ограбить. Но брат всё время был вооружен, и однажды ему пришлось отстреливаться. Во время другой прогулки нам наперерез выехал внедорожник. Брат лишь чудом сумел избежать столкновения, а после на бешеной скорости покинуть злополучное место. Формально мы не нарушали предписаний, обязывающих лиц женского пола появляться на улице лишь в сопровождении супруга или родственника-мужчины.

Отцу все эти авантюры не нравились. Но он понимал, что всё равно не сможет уследить за такими отчаянными удальцами, как мы с Хамалем. По-моему, кроме всего прочего, брат таким образом протестовал против насилия со стороны отца, который своей волей сделал дипломата из человека, начисто лишённого этого дара. И поныне, добросовестно исполняя свои обязанности в разных странах, брат ждет возможности отправиться в Египет и пусть на месяц-другой, но присоединиться к какой-нибудь археологической экспедиции...

Мы очень любили праздники, особенно Ид аль-Фитр, называемый Малым. Весело, шумно, в обществе многочисленных гостей, прямо на улице, под пальмами и яркими звёздами, окружённые светильниками, гирляндами и лентами, оправляли мы разговорие после окончания священного месяца Рамадан. Всем малышам дарили сладости и игрушки. Целый месяц

перед тем взрослые и достигшие десятилетнего возраста дети не ели в светлое время суток, предаваясь серьёзным и не понятным для нас размышлениям, а с заходом солнца садились за трапезу.

Однажды, когда я, принаряженная в розовый шёлковый хиджаб, расшитый золотом, в карминно-красную рубашку и такие же шальвары, рассматривала только что подаренную мне игрушечную кошку, которая умела мяукать. Вдруг ко мне подошёл отец, взял на руки и сообщил, что кроме старшего брата, я имею теперь и младшую сестру. Действительно, мама в тот год не держала пост, а после вообще куда-то исчезла, вот – о, радость!

Появление Зейн я восприняла как подношение к Малому празднику и немедленно включилась в заботы о ней, ничуть не ревнуя. Ведь я большая, мне шесть лет, я знаю все буквы и многие суры Корана! Как ямогу требовать одинаковой с младенцем любви и заботы? Ведь сестрёнка такая крохотная, как куколка! Потом Зейн часто говорила, что я стала ей как мать. В детстве мы с Зейн всегда были вместе, а потом я вышла замуж и уехала в Америку. Через некоторое время и сестра перебралась в дом Абдул-Рахмана.

Но мы всё равно встречались при любой возможности – и в обычные дни, и на праздниках, которых в нашей семье было очень много. Некоторые ортодоксы выступают против того, чтобы отмечать дни рождения людей, даже самых уважаемых, таких, как Пророк Мохаммад. Но наш отец не только позволял праздновать дни рождения, а даже приветствовал это. Я уже рассказывала о самом любимом торжестве – Ид аль-Фитр, называемом Малым, так как продолжается оно три дня. А вот Большой, четырёхдневный праздник, Ид аль-Адха, День жертвоприношения, казался мне торжественным и пугающим одновременно.

Разумеется, я никому не говорила о грешных своих мыслях, ибо это главный праздник мусульман. Им завершается ежегодное паломничество в Мекку и Медину. Но всё-таки он не такой искромётный, добрый и теплый, как День разговения, чем-то напоминающий христианское Рождество. В преддверии его покупается новая одежда, украшается дом, готовятся обильные и вкусные яства. Накануне и во время Ид аль-Фитр рассылаются открытки с пожеланиями счастья и процветания, люди обнимаются, целуются, прощают друг другу долги, раздают милостыню, приглашают за свой стол одиноких и бедных.

Для того, чтобы ни один член общины не чувствовал себя в эти дни покинутым и ненужным, с людей собирают специальный закят – религиозный налог, но не обязательный, а добровольный. Впрочем, никто и не отказывается помочь менее удачливым в жизни единоверцам достойно встретить оба праздника – Ид. Им заранее выдают деньги, чтобы они могли купить обновки для торжества, прибрать своё жилище, украсить его, как подобает. Одна треть мяса жертвенных животных, забитых в день Ид аль-Адха, тоже передаётся неимущим.

И всё-таки с самого раннего детства, благоговей, преклоняясь перед величием и святостью Дня жертвоприношения, я вместе с тем боялась его. Никак не могла избавиться от мысли о том, что пролитие крови, пусть даже овец, коз, верблюдов, режее коров, может каким-то образом способствовать наступлению благодати и единения. Мне было мучительно жаль предназначенных на заклание животных, которым торопливо запикивали в рот леденцы, чтобы съесть их после забоя на счастье. Я ни секунды не могла смотреть в их ещё живые глаза, которые через несколько минут станут мёртвыми. Они блеяли, мычали, двигались, дышали, нюхали воздух. Некоторые даже начинали беспокоиться, пытались вырваться и убежать.

Во мне жило предчувствие беды, непостижимым образом связанное именно с этим днём, с этим праздником. Он, как и все торжественные даты, отмечаемые по хиджре, в зависимости от срока наступления новолуния, приходится на разные дни. Грандиозные картины, транслируемые телевидением с хаджа, когда в едином порыве перед Всевышним склоняются сотни тысяч, а то и миллионы одетых в простые белые одежды мужчин и женщин, вселяли в мою душу желания когда-нибудь оказаться там, в Мекке и Медине. Одновременно я понимала, что ещё нескоро окажусь достойной такой великой чести.

И мысль о том, что опять, уже в который раз, песок или каменные плиты двора, а где-то трава или снег вновь обгаются горячей кровью, не давала мне возможности возвыситься душой и забыть о земном. Я радовалась, что Аллах создал меня женщиной, и мне не придётся никогда самой заниматься этим. Прекрасно зная, что в незапамятные времена бессловесное животное по воле Господа заменило на жертвенном алтаре человека, и что тем самым был положен конец варварским, языческим обрядам, я всё же старалась в такие моменты оказаться как можно дальше от места забоя.

Каждый наш мужчина умеет мгновенно и, возможно, безболезненно лишать жизни обречённую скотину, перерезая острым ножом яремную вену. И всё же я давно уже ловила себя на мысли о неизбежности в будущем какой-то невосполнимой, душераздирающей жертвы, связанной с хаджем, а, значит, с Ид аль-Адха.

Даже нежная, кроткая Зейн, так остро не переживала обряд жертвоприношения, полагая его обязательным и святым, а потому подлежащим беспрекословному одобрению и исполнению. С тех пор, как начала понимать слова, я знала, что обряд заклания совершается не для того, чтобы умиловать Бога, как думают многие европейцы и американцы, а для обеспечения общины мясом во время главного праздника. И ещё для того, чтобы каждый осознал – мясо некогда было плотью живого существа, убитого особым образом, при чтении молитвы. И лишь после того, как из него истекла вся кровь, оно стало пригодным для употребления в пищу.

Да, я сознавала это и радовалась вместе со всеми. Тем не менее, напиток «камаруддин», в переводе «луна веры», приготовленный из абрикосов и фиников, всегда немного горчил. А «Ид Мубаррак», счастливое, восторженное состояние, которое всегда охватывает правоверных в такие дни, было слегка окрашено печалью.

Кроме этих двух главных торжеств в нашей семье отмечали День рождения Пророка, да пребудет с Ним мир! Лейлят, ночи, знаменующие собой главные события Его праведной жизни, связанные с ниспосланием Корана, мы тоже справляли так, как полагается по обычаям. Кроме того, собирались на свадьбы родственников и друзей, на торжества по случаю рождения детей и обрезания мальчиков, совершения обрядов «Бисмилла», да и просто после успешной сдачи экзамена.

Наши люди любят и умеют праздновать, находя для этого самые разные поводы. Застолья длятся целыми днями, и женщинам приходится изрядно потрудиться, чтобы не обидеть съехавшихся гостей. А гостей бывает невероятно много, потому что, готовясь к праздничной трапезе, на Востоке больше всего боятся забыть хотя бы одного из своих родных. Также торжественные события, собирающие вместе близких и дальних членов клана, обычно предваряют другие. Я имею в виду то, что как раз во время застолий происходят смотрины будущих невест. Те довольно часто даже не знают о том, что их изучают и оценивают.

В какой-то степени девушка, а после и женщина у нас считается товаром, который нужно показать лицом. Убедить покупателя в том, что он нигде не найдёт ничего лучше. Отказ потенциального жениха от брака с предназначенной ему невестой, даже совершённый в мягкой и тактичной форме, наносит долго не заживающую рану самолюбию членов семьи отвергнутой девушки.

Такая ситуация возникает чаще, чем прямо противоположная, когда невесте не нравится жених. Всё-таки женщина, пусть даже холёная, богатая и праздная, занимает в мусульманской семье подчинённое положение, и она не приучена перечить воле отца. В рабовладельческом обществе отнюдь не все невольники были худыми, грязными и оборванными. Случалось, что они принадлежали к царственным родам, вели себя смело. Многие из них блистали изысканными туалетами, не выполняли чёрной работы. Некоторые пользовались искренней симпатией хозяев. Но всё же они были рабами – вещами, игрушками в руках тех, кому принадлежали.

И если у них умирал хозяин, или просто по какой-то причине менял милость на гнев, жизнь раба ничего не стоила. Его могли убить в любой момент, могли покалечить, могли продать какому-нибудь извращенцу или садисту, могли швырнуть из роскоши в нищету, зачастую ради того, чтобы просто развлечься. И в наше время так обращаются с домашними животными. Комнатную собачку балуют, закармливают лакомствами, даже делают ей завивку и маникюр, носят к лучшим врачам. Но находящийся не в духе хозяин вправе безнаказанно свернуть ей шею.

Я говорю так потому, что многие несведущие люди могут позавидовать восточным женщинам, видя их наряды и драгоценности, дома и автомобили их мужей. Но о том, что происходит внутри этих шикарных жилищ, никто не догадывается. Исламские законы милостивы к слабому полу, а в жизни случается так, что на деле работают совсем другие правила и обычаи. К примеру, чем бы ни руководствовались родители, решаясь на развод, дети практически всегда остаются с отцом. И он в отместку делает так, что мать их больше никогда не видит.

Сколько раз я воздавала хвалу Аллаху за то, что Он не послал нам с первым мужем ни одного ребёнка! Ведь мы всё равно рано или поздно развелись бы. Не только моё предполагаемое бесплодие оказалось причиной разрыва. Зафер, так звали моего первого мужа, непременно заставил бы меня рыдать из-за разлуки с детьми, потому что это не считается у нас постыдным.

Виновата всегда женщина – даже если она на самом деле чиста, как ангел! Именно потому, что по негласному уговору она считается товаром, а сам брак – сделкой. Муж, глава семьи, берёт на себя полную ответственность за жену и их будущее потомство, но это значит только то, что и распоряжается он всем единолично.

Браки и разводы, по представлениям мусульман, не предопределены небесами и не являются таинством. Это – договор, заключаемый между сторонами – семьями жениха и невесты. Считается, что новобрачные получают равные права и обязанности, но слишком уж вольно зачастую трактуются эти понятия! Даже старейшины бывают не в состоянии распутать туго переплетённые нити многолетних конфликтов, и суды выносят самые простые решения – в пользу мужчин, чтобы жёнам неповадно было своевольничать.

Так случилось и со мной, когда после семи лет бездетного брака Зафер аль-Ахмади объявил меня виноватой в этой беде, хотя ни он, ни я не проходили медицинского освидетельствования! И суд встал на его сторону только потому, что, в соответствии с представлениями кади, мужчина виноватым быть не может! А у меня ныне трое прекрасных детей. Я их рожала одного за другим. Родила бы и ещё, не начнись война...

Но вернёмся в тот самый, трагический для Ирака девяносто первый год. Тогда я даже не предполагала, что с этой страной меня свяжут самые тесные узы, и я стану воевать за её свободу! Разумеется, все мы слышали о войне в Заливе, но большую часть информации я пропустила мимо ушей.

У меня были другие заботы – предстоящая свадьба и возможность продолжать образование в Америке. Я всегда училась отлично, и ни один преподаватель не имел оснований жаловаться на меня. Кроме того, потребность мусульманских стран в женщинах-врачах огромна. У нас многие пациентки согласны лучше умереть, но не раздеться перед чужим мужчиной.

Тогда у Хамаля родился второй сын, наречённый именем Пророка, и мы отмечали его хитан, то есть обрезание. Перед тем, как Зафер приехал к нам в гости, мама шепнула мне, что это – смотрины, и я не должна посрамить их с отцом. Партия завидная – доктор аль-Ахмади, по образованию юрист, был видным функционером Социалистической партии труда, состоящей из представителей либеральной интеллигенции, а также мелкой и средней буржуазии.

Зафер недавно овдовел, детей у его больной жены не было. В том случае, если бы он оставался вдовцом, все немалое состояние перешло бы к его племяннику, сыну сестры Захвы, давно похоронившей мужа. Я-то по молодости ещё не вникала в суть уже назревавшего внутрисемейного конфликта. Но родители всё понимали и чрезвычайно спешили. Захва, дурно

воспитанная и скандальная, менее всего хотела, чтобы Зафер женился и заимел наследника. Попробовав отговорить брата от его намерения и не добившись своего, Захва принялась распространять обо мне самые гадкие слухи, на которые тогда мало кто обратил внимание.

Моя репутация была безупречна, а желание стать врачом вызывало всеобщее одобрение. Захву вызвали в суд и пригрозили суровым наказанием за лжесвидетельство. Она испугалась и на время замолчала. Правда, через несколько лет золовка вернула мне долг с процентами...

В тот день мои родители окончательно договорились с Зафером аль-Ахмади, который, насколько это позволяли правила приличия, любовался мною на протяжении всей трапезы. Потом отец отослал меня на женскую половину, где я долго сидела перед зеркалом, рассматривая своё великолепное убранство, выдержанное в любимых мною тогда розовых тонах.

Понимая, что самолюбование – великий грех, я всё же не сразу сняла и спрятала ажурные бусы из жемчуга цвета утренней зари, кольца и серьги, в которых тот же нежно-огненный жемчуг соседствовал с бриллиантами, и от того становился ещё прекраснее. Моё платье тоже было расшито жемчужными узорами. Камни при сотворении этого шедевра использовались самых различных оттенков, исключая разве что чёрные.

Зафер после писал поэмы о моих волосах и глазах, о моих руках и плечах, о моём стане и моей грации. И притом, добавлял он, ты ещё и умна, а это так редко сочетается с красотой! Он мечтал о том, что у нас будет много милых и смыслённых детишек, которые станут для него отрадой и надеждой после долгих лет борьбы и лишений. И я от всей души хотела стать верной, усердной женой, заботливой, ласковой матерью! Клянусь Аллахом, я хотела! Но оказалось, что по молодости и наивности я заблуждалась, выдавая желаемое за действительное.

Зафер уверял, что только такую мать для своих детей может желать образованный, либерально мыслящий и много испытавший человек. Он говорил, что искренне любит меня. Я же просто боялась, что в случае неудачи с этим сватовством меня могут выдать за куда более отсталого и сурового мужчину. И такая кандидатура имелась на примете у моего отца. Человек этот, скотовод, невероятно богатый и в такой же степени ортодоксальный, наотрез отказался после свадьбы отпускать меня учиться в Америку.

Таким образом, выбор остановили на Зафере аль-Ахмади. Рядом со скотоводом он выглядел просто ангелом. Он был страстным курильщиком, из сигарет предпочитал «Клеопатру», демонстрируя тем самым любовь ко всему египетскому. Доходило до того, что мы, ещё не поженившись, вместе курили кальян. Только я выбирала лёгкий табак, а он – крепкий. И после свадьбы мы заказывали в кафе кальяны с ароматом мёда, клубники, персиков. В те времена я не могла даже представить, во что превратится улыбчивый, открытый и ласковый господин, похожий на доброго дядюшку! Если бы знать...

* * *

– «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...» Я приступаю к новой главе моего повествования с тяжелым чувством. Всегда нелегко рассказывать о том, как тебя оклеветали, предали и изгнали из семьи. Причём не только из дома Зафера аль-Ахмади, но и из-под отчего крова. Правда, папа сделал это не напрямую. Он просто отослал меня в чужую на тот момент страну, попросив оказать ему очень важную услугу.

Ни он, ни я даже не подозревали, чем закончится для меня эта поездка, которая не предполагалась такой долгой. Отец говорил о нескольких месяцах, и это в самом крайнем случае. Но я-то знала, что он просто хочет избавиться от присутствия в доме опозоренной перед всей общиной дочери, хоть люди, свидетельствующие против меня, оказались лжецами. Это действительно так – моей вины в нашем с мужем разрыве не было. И пусть ждёт меня Джаханнам, то есть ад, если я незаслуженно выгораживаю себя и ввожу читателей в заблуждение!

Я радовалась семейному счастью сестры Зейн – её выдали не за старика, а за тридцатилетнего мужчину, свободного от всяческих условностей и предрассудков. Но дикая в своей нелепости трагедия разлучила нас, и с Зейн я смогу встретиться лишь в лучшем мире, если будет на то воля Аллаха. Она так рано ушла, а я не смогла последовать за ней!

Зафер дал мне богатое приданое, которое должно было оставаться в моей собственности. Приданое у мусульман – не то, что у христианских народов. Это – деньги, украшения, любые другие вещи. Может быть и дом, если жених имеет их несколько. Приданое он дарит невесте перед свадьбой. Если жена не одна, то каждой из них полагается равное приданое, чтобы никого не обидеть.

Но у Зафера я была единственной. Мне исполнилось семнадцать, ему было пятьдесят пять. Примерно такая же разница в возрасте у меня получалась и со вторым мужем. Но найду ли я в себе силы рассказать вам о нём так же подробно, как о первом?.. Аллах милостив, Он укрепит меня и позволит сделать это, если Ему угодна моя откровенность...

Следует упомянуть ещё и о том, что Зафер не был нашим родственником, и это тоже способствовало заключению брака. Он считал, вступая из-за этого в горячие перепалки с муллами и шейхами, что инцест не способствует появлению здорового и сильного потомства. Зафер был выходцем из Алжира, и предки его возглавляли большое бедуинское племя.

Но к тому времени, когда готовилась наша свадьба, семья мужа вела оседлый образ жизни. Он выучился, занял высокое общественное положение. Но его сестры, а особенно Захва, так и остались кочевницами, дикими и необузданными, не способными воспринимать цивилизованные правила поведения. И им в итоге удалось разрушить пашу семью.

По предписаниям, жена может развестись с не согласным на это мужем, только вернув ему приданое. Если инициатором выступает мужчина, приданое остаётся у его бывшей супруги. Из-за этого Захва повела дело так, чтобы я сама потребовала расторгнуть брак, что и получилось. Я не смогла более выносить отвратительную клевету, оскорбления своей чести, постоянные допросы Зафера и косые взгляды соседей, их перешёптывания за моей спиной! Мне было уже все равно, у кого останется моё приданое, тем более что семья отца не бедствовала. Но я и не собиралась жить на его иждивении долгое время. Как вы уже знаете, в Америке у меня оставалось много знакомых, приглашавших на работу то в один, то в другой медицинский центр. Особенно заинтересовались возможностью пригласить меня по контракту проживающие в Штатах мусульмане.

Их жёны и дочери, как я тоже вам говорила, невероятно щепетильно относятся к нравственным ограничениям, налагаемым нашей верой. Непосредственно перед тем, как отец попросил меня выполнить некое деликатное поручение, я окончательно урегулировала все вопросы относительно своей будущей работы в Калифорнии. Как оказалось, зря...

А перед свадьбой Зафер одарил меня от души. Он прямо-таки горстями высыпал к моим ногам золотые украшения с драгоценными камнями, как будто добытые в пещере Али-Бабы. Кстати, такие дары мужчина не обязан преподносить своей невесте, и размеры приданого нигде не установлены. Это – знак любви и уважения к той, кого он избрал для совместной жизни, для воспитания своих детей. Для того, чтобы, если будет на то воля Аллаха, совместно встретить старость.

Зафер часто повторял, что только я закрою ему глаза после кончины. И я же, как жена, омою его тело перед облачением в саван и погребением. О том, что я, такая юная, могу умереть раньше, он и мысли не допускал. Но нет, не смерть разлучила нас! Мы оба живы, слава Аллаху, но стараемся не встречаться и не приветствовать друг друга – так нам больно!

Мусульманская свадьба – очень простой обряд, в отличие от христианских. Не буду говорить о приверженцах индуизма, где подобным торжествам придаётся невероятно большое значение. Конечно, и у нас трапезы бывают обильными. Устраиваются всевозможные танцы, гонки на верблюдах и прочие увеселительные мероприятия. Но никто не осудит людей, если они.

отмечали бракосочетание скромно. Не у всех хватает средств на шумные праздники, и потому каждый готовится к предстоящему событию, сообразуясь со своими возможностями.

Надо сказать, что моя первая свадьба – это была феерия, море света и радости по сравнению со второй. Тогда нам салютовали лишь залпы с американских авианосцев и разрывы падающих на Багдад бомб. Но, в отличие от первой свадьбы, я была полна любовью и состраданием, страхом навсегда потерять мужа, для которого наступили чёрные дни, и полной готовностью погибнуть за него. С Зафером всё обстояло иначе. Я не могла унять дрожь во всём теле при одной только мысли о том, что вскоре придётся оказаться в постели с этим важным господином, совсем чужим для меня.

Когда же закончился мой второй обряд никях, то есть бракосочетание, я подвесила к груди четырёхмесячного Рияда, схватила за руки Муина и Хейат, которые были всего немногим старше, побежала к автомобилю. Он должен был через Иорданию вывезти моих крошек из этого ада. Я же, несмотря на то, что была кормящей, сама осталась с мужем. И была с ним до того времени, когда нас разлучили насильно...

Я все время забегаю вперёд, потому, что чувства переполняют меня, мешая мыслить здраво и холодно. Мне хочется рассказать так много! И, в то же время, словно чья-то рука стискивает моё горло. Вряд ли вы видели в своей жизни женщину, которой довелось быть единственной и третьей женой своих мужей. Но не зря говорят, что третья – и есть самая любимая.

Несмотря на то, что один мой брак закончился разводом, а второй – вдовством, я не желала бы для себя никакой иной судьбы. Аллах справедлив и вездесущ, а потому ниспосылает своим рабам лишь те невзгоды, которые они не только могут выдержать, но впоследствии и благословить!..

Я вспоминаю сейчас, с каким интересом прикреплённый ко мне лямками Рияд смотрел карими глазёнками в гудящее от самолётов небо и ничуть не боялся, не плакал, только пускал пузыри. И я не знала, увижу ли я своих детей когда-нибудь или сгину под бомбами бесследно. Я не присутствовала при первом шаге Рияда, не слышала его первого слова. Он встретил меня уже четырёхлетиям и долго не верил, что я – действительно его мать.

Первая моя свадьба сопровождалась традиционными арабскими танцами, громоподобной стрельбой из ружей и винтовок, скачками на лошадях и верблюдах. А перед этим меня нарядили в «шальвар-камиз» – длинную рубаху с просторными шароварами алого цвета, с потрясающей золотой вышивкой. Ладони и ступни натёрли хной, В присутствии двух свидетелей над нашими головами прочитали молитвы, и я повторила их. После этого нас объявили супругами, и началась валима – свадебное торжество.

Семья отца и сам Зафер могли позволить себе многодневное гуляние, чтобы, как говорят в России, не ударить в грязь лицом. Гости тоже словно соревновались в щедрости и изобретательности, возмещая расходы хозяев всевозможными подношениями. Главный смысл валимы – обнародование того факта, что жених с невестой сочетались законным браком и призваны отныне к совместной жизни. Через несколько месяцев мы уехали в Америку.

Зафер непрерывно молил Аллаха о том, чтобы Он даровал нам сына, но беременность не наступала. Не помог даже совершённый им хадж в Мекку, куда он не смог меня взять из-за нездоровья. И с этого самого момента моя золовка Захва, а после и три другие сестры мужа, принялись за дело. Они сетовали на то, что, наверное, шайтан попутал Зафера и заставил его взять такую нечестивую жену. И если до свадьбы девушка имеет железное доказательство своей невинности, то после уничтожения девственности оправдаться бывает гораздо труднее.

В первую ночь все сестры, как охотничьи псы, сидели настороже у дверей нашей спальни, но их ожидало жестокое разочарование. Крови на белье оказалось более чем достаточно. Родственники вздохнули с облегчением, хоть и раньше не сомневались в моём целомудрии.

Должно быть, в наше время кажется странным то, что этот грех считается самым тяжким, не идущим ни в какое сравнение с ложью, воровством и даже убийством.

Теперь, насколько мне известно, широко практикуется гименоластика. Правда, опытные мужчины умеют отличать лжедевственниц от по-настоящему невинных невест. И тогда честь считается поруганной вдвойне, потому что к блуду добавляется ещё и обман.

То обстоятельство, что чрево моё оставалось пустым, очень радовало золовок. Во-первых, они могли всё громче упрекать меня в бесплодии. Во-вторых, – не рождался их соперник, наследник Зафера, к которому переходило всё состояние. Я не отказывала мужу в близости, только боялась, что в его возрасте, да ещё для гипертоника, столь частые соития могут быть вредны.

Но Зафер будто обезумел. Он желал, возлежать со мной по нескольку раз в сутки. И ему приходилось потом совершать гусл – полное омовение перед молитвой, а это тоже требует сил и времени. Видимо, он считал, что чем чаще и дольше мы будем заниматься любовью, тем скорее наступит зачатие. Но до весны девяносто второго этого так и не произошло, и мужу ничего не оставалось делать, кроме как дать окончательное согласие на мое обучение в Гарварде.

Не стоит и говорить, что Зафер поехал в Штаты вместе со мной. Ещё он прихватил племянника Абделя. О, об этом молодом человеке нужно сказать пару слов! Его матерью была та самая неистовая Захва, желавшая осчастливить сыночка. И сам Абдель, будучи уже взрослым, прекрасно понимал, за какой солидный куш ему предстоит побороться.

Парень, в отличие от меня, хоть мы и были ровесниками, не учился в Гарварде, да и вообще нигде не учился. Он весело проводил время в Массачусетсе, ездил в Нью-Йорк, Лас-Вегас к другим местам. Там сорил дядиными деньгами и не чурался общества светлокотых рослых блондинок. Как все наши мужчины, Абдель буквально таял при виде обесцвеченных волос. А уж если цвет был натуральным, испытывал самый настоящий экстаз.

Зафер сквозь пальцы смотрел на его похождения, считая их не зазорными для юноши. В Коране сказано обратное. «Да непозволительно мужчине уединяться с женщиной, не принадлежащей ему по закону, ибо в противном случае третьим с ними будет сатана...» Я не раз напоминала мужу об этом изречении, особенно когда он принялся обвинять меня в неверности, в дурном содержании дома, а под конец и в богохульстве!

Что касается моего, как оказалось, мнимого бесплодия, так разговоры о нем не смолкали, наверное, круглые сутки! Зафер только отмахивался и говорил, что не мне судить Абделя. Ведь у него нет жены, с которой он мог бы возлечь законно. Но мне такие поблажки не делались, несмотря на то, что учёба в Гарварде и ведение домашнего хозяйства, правда, с помощью прислуги, отнимали все мои силы и не оставляли времени для развлечений. В Америке я носила европейскую одежду, в том числе джинсы и длинные, максимально закрытые рубашки. Голову всегда покрывала шарфом, даже понимая, что это – полная безвкусица.

Сначала Зафер был терпим к этому. Но после, под давлением родственников, принялся требовать, чтобы я без хиджаба и скромного одеяния вообще не появлялась на улице. А мне вовсе не хотелось прослыть среди студентов отсталой и тёмной. Меня и так уже в шутку прозвали «восточной рабыней», из-за чего я рассердилась ещё больше.

Но всё-таки я любила и люблю Гарвард. До сих пор мне снятся его красные кирпичные здания, аудитории, теннисные корты, куда я всё-таки время от времени вырывалась, чтобы размяться. Учёба давалась мне легко. И словно в противовес наслаждению, получаемому от познания нового, семейная жизнь преподносила один неприятный сюрприз за другим.

Через два года после того, как мы поселились в Бостоне, Захва изъявила желание вести наш дом вместо прислуги-индонезийки, которой я была очень довольна. Но муж заявил, что родственница в любом случае лучше чужого человека, а меня почти никогда не бывает дома. К тому же, я постоянно оскверняю руки прикосновением к телам посторонних мужчин, а то

и к трупам. Зафер демонстративно брезговал приготовленную мною пищей, даже подавать не разрешал.

Я же совершала после занятий полное омовение и читала положенные молитвы, но без практических занятий выучиться на врача не удавалось никому. Зафер, как просвещенный и мудрый человек, должен был это понимать. А он, напротив, приказал на все вечеринки ездить в сопровождении Абделя. Сам он, дескать, слишком стар для подобного времяпровождения. А поскольку там собирается много легкомысленных молодых людей, за мной следует наблюдать. У него есть подозрение, что я скучаю в обществе пожилого супруга, и потому у меня может возникнуть искушение пофлиртовать со сверстником...

Первая же вечеринка, куда за мной последовал Абдель, имевшая место в октябре девяносто четвёртого года, закончилась скандалом. Именинник Джуд Браун, весёлый и симпатичный парень, только лишь дружески чмокнул меня в щёчку, а Абдель сразу сделал стойку. На мою беду, я оказалась в центре внимания. Ещё два студента, инженеры, перекинулись со мной игривыми фразами. Более того, я осмелилась выпить шампанского! На дне рождения! Позор!

Конечно, я держала себя в рамках. Блюда «харам», то есть запретные, не употребляла, не курила, не вела себя вызывающе. Но и случившегося было достаточно, чтобы Абдель доложил дяде, будто я опозорила его, кокетничала сразу с тремя американцами, а с одним из них на некоторое время удалилась в другое помещение. Более того, я танцевала совершенно бесстыдные танцы, пела и громко смеялась, привлекая к себе внимание всё новых мужчин.

На самом же деле я потолкалась в общей массе танцующих пять минут, и при этом не касалась никого из них. Увидев хищно сверкнувшие глаза Абделя, я и вовсе отказалась от намерения потанцевать. Перекидывать волосы с плеча на плечо, как делают на Востоке, в Бостоне глупо, и я вернулась за стол.

Собравшиеся от души веселились, рассказывали анекдоты и просто забавные истории из своей жизни. А пели мы известную песенку «Хэппи бэрсдей» и больше ничего. Но Заферу и этого оказалось достаточно. Он заявил, что в следующий раз я, должно быть, на таком сборище отведаю свинины! И он, мой супруг, отныне запрещает мне любые отлучки из дома, кроме как на занятия. Зафер якобы уже успел заметить, что американцы ведут себя слишком уж раскованно. Но то, что дозволено им, недопустимо для меня. Тут же в скандал вмешалась Захва и выложила мне уже свои претензии.

Надо заметить, что если мужчины у нас молятся в мечети, то женщины делают это дома. В храме для них выделяют балкон или комнату, а также проход. По праздникам и на пятничные молитвы дамы посещают мечети, а так собираются в особом помещении. Оно – сердце мусульманского дома. Там должна поддерживаться идеальная чистота. На почётном месте, на специальной полке, стоит Коран. Особых украшений нет, только ковры с разнообразным орнаментом, за исключением тех, где изображены живые существа.

И вот в этом святилище, по словам Захвы, я развела грязь! Не заворачивала Коран в ткань, и он запылится. Однажды посмела встать на молитву в чересчур откровенном одеянии, да ещё плохо прикрыв голову. Кроме того, я не тщательно омываюсь после занятий. Больше того, во время рамадана, в светлое время суток, приготовляя пищу для ночной трапезы, я положила в рот кусочек мяса и нарушила пост!

Вам смешно, а мне было страшно. Этого набора прегрешений вполне достаточно, чтобы наказать меня бездетностью! Я была близка к истерике, потому что понимала – меня не послушают, мне не поверят. Да, трудно оставаться ортодоксальной мусульманкой, проживая в Америке и ежедневно общаясь с людьми другой веры и другой культуры. Но главных заповедей я не нарушала. Мы много спорили с золовкой, мекканским или местным временем пользоваться для совершения намаза, как часто случается в Англии или других странах. Но в нашей семье эти вполне решаемые проблемы приобретали невероятно серьёзное значение. Мои духи всегда

казались ей слишком резкими. Даже самая обычная косметика – развратно-яркой. А манера разговаривать с мужем – непозволительно дерзкой.

Но все эти мелкие проступки вскоре померкли перед обвинением в измене мужу, да ещё подтверждённой, как полагается, четырьмя свидетелями! Абдель сообщил дяде, что он и его трое друзей, все арабы, видели меня в Бостоне около одного из ресторанчиков близ автозаправки. Там я, сидя в красном «форде», целовалась с молодым американцем. По описанию мой предполагаемый любовник в точности походил на Джуда Брауна, с которым много лет спустя меня совершенно неожиданно свела судьба. И он мне помог, спас меня. Я, к сожалению, до сих пор не смогла отплатить ему тем же. И вряд ли уже смогу.

Джуд действительно жил в Бостоне и имел автомобиль с тем номером, который эти четыре подлеца назвали Заферу. В то время, когда всё, дескать, происходило на заправке, я была на практических занятиях в клинике, о чём Абдель не знал. Там и подтвердили моё алиби. Более того, Джуд Браун также присутствовал на этих занятиях, а его красный «форд» стоял на ближайшей парковке!

Но всё это произошло позже. Тогда, на моё счастье, в нам в гости приехал Хамаль. Он сразу же оказался участником скандала, который более всего напоминал извержение Везувия. Увидев меня, всю в слезах, пребывающую одновременно в гневе и в панике, брат спросил, правда ли всё сказанное. Я ответила, что это – отвратительная ложь. Но если Зафер склонен полагаться на свидетельства племянника, пускай даёт мне развод.

Я уже не была той покорной и тихой девушкой, какой приехала из Египта. Кроме того, я знала, что даже в случае разрыва с мужем, останусь жить и работать в Штатах. Мне надоело ходить под конвоем, потупив глаза в землю, и постоянно дрожать в ожидании очередного допроса. Правда, Хамаль, когда я ему сказала об этом, посоветовал не торопиться, успокоиться, совершить омовение и встать на молитву, потому что как раз пришло время Аср – предвечерней. Брат отдал мне свои чётки, которые я потом бесконечно перебирала, чтобы не сойти с ума от страданий. Многим трудно представить себе, в сколь тяжком грехе меня обвинили! Для этого нужно быть мусульманкой.

Хамаль тогда защитил и спас меня, как делал это и до, и после. Он поговорил со «свидетелями» моего мнимого преступления, совершенно немыслимого для восточной женщины. Та уж точно не станет целоваться со своим любовником публично, даже если имеет его.

Потом брат навёл о них справки в общине и выяснил, что это – бездельники, игроманы, позор своих семей, вечно находящиеся в долгах. Кроме того, они, как и Абдель, пьянствуют, развратничают, часто пропускают молитвы. Пойти на лжесвидетельство их заставили опять-таки долги, которые Абдель заплатил за них при условии, что эти парни станут выступать в общине против меня.

Когда Хамаль вынес всё происшедшее на суд местной уммы, трое дружков Абделя не осмелились поклясться Аллахом о том, что действительно видели меня с любовником. Они, чтобы не получить наказания палками, принялись изворачиваться. Заявили, что с американцем в машине действительно целовалась женщина в хиджабе, но, возможно, это была не я. А поскольку мы с ними до того дня не виделись, Хорошо знать меня они не могли. Скорее всего, Абдель показал им мою фотографию, или дал возможность полюбоваться мною издали.

Потом мой брат, да хранит его Аллах, отправился в аудиторию, опросил студентов и преподавателей, даже охранника на парковке. И заявил Заферу, что я невинна. Номер машины Джуда Брауна эти подонки назвали по наущению Абделя, а потому уже не могли увильнуть, сославшись на то, что перепутали автомобили. Красный «Форд» вообще не появлялся в тот день на указанном месте. Более того, Джуд уже несколько месяцев как не бывал в районе порта.

Обвинение рассыпалось в прах. Зафер, чтобы не обострять отношения с нашей семьёй и местной уммой, прогнал из нашего дома Захву и Абделя, а у меня попросил прощения. Мне

трудно было простить, но я призвала для укрепления души свою веру, и постаралась смиренно пережить выпавшие на мою долю испытания.

Я полагала брошенное обвинение величайшим оскорблением. В то же время считала, что случилось оно по воле Всевышнего, а Он всегда справедлив. Чтобы забыться, я с ещё большим рвением отдалась учению, а потом и работе в клинике, которую посещали местные мусульманки. Зафер всё это время, что оставалось до нашего отъезда в Египет, обращался со мной хорошо. Но я не могу поручиться, что он тайком всё же не следил за мной, наняв частных детективов.

А перед самым возвращением домой вновь возник вопрос о наследнике, и я предположила, как оказалось, невероятную вещь. Не только я, но и Зафер мог быть виновником бесплодия нашего брака! Ведь и прежняя его жена не рожала, но это объяснялось её хворями. Я в самых ласковых выражениях попросила своего супруга пройти вместе со мной обследование, чтобы узнать истинную причину несчастья. Зафер рассердился, вновь припомнил все мои прегрешения, и сказал, что я не умею должным образом вести себя с мужем, хочу свалить на него вину.

Тем временем я с отличием окончила университет и получила множество предложений работы в Америке. Но всё же решила пока не разрушать семью. Для моих родителей это было бы позором, а я не желала им зла. Так нередко случается, когда жена оказывается более умной и образованной, духовно и нравственно одарённой, чем глава семьи, но ради сохранения очага во всём подчиняется ему.

Я говорю эти лестные слова не о себе – грех тщеславия не зачтётся мне в Судный день. Тем более, что я не считала Зафера отсталым – он учился в Париже, в совершенстве знал французский язык, был знатоком живописи и литературы. Правда, как оказалось, во Франции он занимался не только науками и искусствами, в результате чего заболел и не смог продолжить свой род. Но это выяснилось гораздо позже, когда я после многолетних странствий вернулась в Египет, уже с браслетом на руке, и узнала, какая кара постигла Абделя с Захвой.

Но не стану опять забежать вперёд, чтобы не путать свой рассказ. Зафер предложил мне вновь жить с ним, обещал усыновить моих детей, но я ответила ему, что на такое не пойду никогда. Слабохарактерный и ранимый, он не мог поставить женщину на место, когда это необходимо было сделать. И в то же время, чтобы оправдаться перед самим собой из-за отсутствия твёрдости, обижал невинную супругу, полагая это проявлением воли и характера. Он даже не мог отважиться на анонимное обследование в американской клинике, считая невероятным попустительством уступку мне.

Разумеется, упрекать меня ему было куда легче, чем противостоять Захве, заглушающей своими воплями шум целого восточного базара! Если накануне свадьбы и в первые годы совместной жизни я пусть не любила, но искренне уважала Зафера, безусловно считала его достойным себя и даже гораздо выше, то после почувствовала, что презираю его. Да простит меня Аллах за брань, но это так. Не ненавижу, а именно презираю, ибо большего этот человек не достоин.

Он позволил обвинить меня в преступлениях, которые караются смертью или поркой. Он верил любым наветам, возведённым на меня. А после счёл, что простое извинение и сожаление смогут искупить его проступок. Абдель к тому времени погиб в автокатастрофе, находясь за рулём роскошного лимузина, купленного фактически на мои деньги. Отнявшая их у меня Захва с горя сошла с ума и надолго попала в психиатрическую лечебницу.

В нашем брачном контракте было записано, что я желаю быть единственной женой своего мужа. Он не мог взять в дом вторую, не оформив развода со мной. По той же причине я несколько лет отказывала второму своему супругу, господину и повелителю, которого любила больше жизни, потому что не могла быть у него единственной, а только третьей. И лишь после начала войны, когда смерть уже витала над нашими головами, мы поженились. Свидетельство

о браке хранится на почётном месте в моей комнате, рядом с кусочком кисвы, чёрного покрывала святилища Каабы, привезённым мною из Мекки. Меня можно называть хаджа Шамс. Два года назад я совершила паломничество и дала обет перед Аллахом. Теперь я до самой смерти буду одинока. Я сделала этот выбор после долгих раздумий и несу за него полную ответственность.

Мы вернулись в Египет летом девяносто седьмого года. Тогда я окончательно поняла, какую совершила ошибку, даровав Заферу прощение после наветов его племянника в Бостоне! Изгнанная братом Захва времени даром не теряла. Когда мы вернулись сначала в Луксор, а потом и в Каир, я постоянно чувствовала на себе косые взгляды, а за спиной слышала злобный шёпот.

В Америке мои злоключения происходили только дома. Выходя на улицу, посещая университет, общаясь со свободными, как мне казалось, невероятно счастливыми людьми, я попадала в нормальную жизнь. Я смотрела на них в аудиториях, в клиниках, на набережных, в ресторанчиках, в метро – везде! Смотрела и завидовала, сама проклиная себя за подобные мысли, потому что терпеть домашний гнёт больше уже не могла.

Там меня не имели права убить, избить, потому что в этих случаях имели бы верные проблемы с суровыми американскими законами. Даже теперь, столько перестрадав по вине этой страны, вернее, её преступного руководства, я всё же храню о ней самые лучшие впечатления. Вспоминаю разных людей, которые поддерживали и утешали меня. Тогда и нужно было вырвать у Зафера развод, вынудить его трижды произнести слово «таляк», и таким образом сбросить цепи.

Но Аллаху было угодно иное, и я уступила уговорам родного брата. Развод затрагивает интересы многих семейных кланов, и потому его по возможности стараются избегать. Так в конце концов и случилось, после того, как меня не приняли в каирскую клинику, где до этого обещали место. Мой автомобиль вечером на улице закидали камнями. Мне повезло, что вмешалась полиция. Иначе толпа злобных старух в чёрном серьёзно покалечила бы меня, а то и убила.

Да, я была среди наших женщин особенной. И хоть даже в мыслях не имела совершить вменённые мне грехи, одним своим видом вызывала неприязнь. Меня упрекали за гордыню, за тщеславие, за себялюбие, за разврат и непочитание мужа. Но на самом деле я хотела иметь только чуть больше свободы, делать выбор. Тот самый выбор, право на который дарует людям Аллах...

Несмотря на творящееся безумство, мой отец бы против развода и призывал меня помириться с Зафером, пойти на уступки и вернуть в дом покой. Я со слезами отвечала, что, к сожалению, это не в моей власти. Не я начинаю скандалы, не я нашёптываю всякие гадости про своих домочадцев на базарах и за занавесками женских половин домов. Я не могу прекратить то, что сама не начинала, и потому остаётся лишь уйти от Зафера.

Я объяснила отцу, почему Захва меня ненавидит, да он и так всё знал. Я уверяли их с мамой, что никакая моя покорность, никакие благочестие и смирение, никакие прощение и покаяние не заставят Захву прекратить войну и уменьшить её влияние на брата. Я тогда, в порыве отчаяния, выкрикнула, что всемилостивый Аллах, должно быть, потому и не послал нам ребёнка, что эта ведьма Захва непременно убила бы его, чтобы получить деньги! Так пусть же она их получит и подавится. Я согласна отказаться от приданого и уехать в Америку, где мне не грозит расправа, только бы всё закончилось.

За три месяца нас не удалось помирить. Я мотивировала своё желание развестись ещё и тем, что муж, скорее всего, бесплоден, так как отказывается пройти освидетельствование. Поскольку я не имела другого мужчины, трудно судить о том, могу ли я родить. А вот у Зафера были женщины, и ни одна не понесла от него. Я говорила и об оскорблениях, унижениях, о том, что под конец начались угрозы сильно избить меня.

И наконец, время ожидания, идда, закончилось. Несмотря на то, что по закону я могла оставаться в доме мужа, отъезд состоялся в тот же день. Мама обняла меня и шепнула, что лучше всего будет перебраться в Александрию и как можно реже появляться на улице, потому что в Луксоре и в Каире со мной может случиться несчастье.

Уже не только Захва с Абделем, но и многие завистники моего отца, да и Хамалья тоже, присоединились к травле, нанося тем самым непоправимый урон авторитету семьи аль-Шукри. Захва торжествовала, потому что я вернула приданое, а Зафер, сам измученный этой склокой, поклялся сестре никогда больше не жениться.

Надо сказать, что и я почувствовала невероятное облегчение от одной только мысли о том, что эту отвратительную женщину более никогда не увижу. Предчувствие меня не обмануло – до сегодняшнего дня мы с ней не встретились ни разу. А вот Зафер сделал мне новое предложение. Надо сказать, что такие случаи у нас нередки. После развода бывшие супруги вновь оформляют брак. Но для нас с Зафером об этом не могло быть и речи, несмотря на то, что он при каждом удобном случае не устаёт повторять, что за всю жизнь лучшей женщины у него не было. И что, отняв у моих детей отца, Аллах велит именно ему, Заферу, взять на себя заботу о них...

* * *

– «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...» Уже в который раз повторяю я первые слова суры «Аль-Фатиха», а повествованию моему не видно конца. Скажу сразу, что после развода я пережила страшные дни. Страдала не я одна. Горевала вся наша семья, на которую пали обвинения в ненадлежащем воспитании дочери. Слухи ползли по улицам, как змеи, и жалили нас, убивая ядом. Объявились некие женщины, утверждавшие, что я делала им аборт. А я в то время находилась в затворничестве, в Александрии. Только то, что алиби моё оказалось незыблемым, спасло меня от жестокого наказания. Не успели стихнуть эти наветы, как появились другие. Якобы я сделала укол больному раком старику, намеренно увеличив дозу промедола, и он умер. Действовала я якобы по просьбе его родных, мечтавших завладеть наследством, и далеко не бескорыстно. Некий восьмидесятишестилетний мужчина действительно скончался в Луксоре, но никаких инъекций ему вообще не делали. Он желал принять все страдания, посланные Аллахом. Это обстоятельство вновь выручило меня. В противном случае пришлось бы долго доказывать свою невиновность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.